

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ

№ 29

С приложением „Судебная практика“
(приложение выходит 2 раза в месяц).

29 Июля 1929 года

О чем говорят итоги работы Верх. суда за 1928 г.

13 июня Верховный Суд РСФСР отчитался о своей работе за 1928 г. перед Коллегией НКЮ. По этому докладу вынесена напечатанная в этом номере «ЕСЮ» резолюция, в которой, помимо принципиальной установки, Верховному Суду дается и ряд практических указаний в отношении руководства работой местных судов.

Коллегия НКЮ прежде всего признала, что линия, проводимая Верховным Судом в своей работе, является правильной. Далее отмечается, что Верховный Суд как в своей работе, так и в работе местных судов проводил четкий классовый подход, проявив должную гибкость в применении гражданского права. При проведении уголовно-судебной политики отмечена недостаточная борьба со стороны Верховного Суда с местными судами в отношении замены коротких сроков лишения свободы только принудительными работами, когда игнорировались все предусмотренные кодексом другие меры социальной защиты.

Это указание Коллегии НКЮ местным судам, не ожидая никаких дополнительных директив от Верховного Суда, должны принять к немедленному исполнению. Если нам удалось до известной степени добиться, чтобы местные суды перешли от применения коротких сроков лишения свободы к замене их принудительными работами, то это ни в коем случае не является достаточным. Надо добиться, чтобы суды не механически заменяли короткие сроки лишения свободы принудительными работами, а каждый раз ставили перед собою вопрос, какая мера социальной защиты в данном конкретном случае была бы наиболее целесообразна. При этом судам надо помнить о ссылке, высылке, штрафе, общественном порицании, запрещении занимать определенные должности или заниматься той или иной деятельностью.

Применяя слишком широко принудительные работы, мы возлагаем на еще недостаточно окрепшее бюро по организации таковых слишком тяжелую задачу использовать на работах всю эту массу осужденных и таким путем фактически часто срываем работу этих бюро. До чего механически суды иногда заменяют лишение свободы принудительными работами, видно из того, что посылаются на работы калеки, безногие, больные, глубокие старики и т. д.

Из отдельных практических указаний, данных Коллегией, нам хотелось бы здесь остановиться толь-

ко на самых наиболее важных вопросах практики, к осуществлению которых на местах надо приступить немедленно (не ожидая дальнейших напоминаний центра).

Прежде всего о нарзаседателях. По этому вопросу много было сказано и написано, местам был дан ряд прекрасных директив, но тем не менее постановка работы с нарзаседателями признана Коллегией неудовлетворительной. И действительно, это так. Мы широко проводим перевыборные кампании нарзаседателей и на этом обычно успокаиваемся. Все попытки разбить заседателей на мелкие единицы, как-то: на базы и кусты, надо признать неудачными. Прежде всего, они охватывают совершенно незначительную часть заседателей, и, кроме того, ими руководят все, кто угодно, но только не судебные работники. Коллегия предлагает отныне организовать нарзаседателей так, чтобы они были объединены вокруг своего участкового народного суда. Нарсудья должен регулярно созывать нарзаседателей, отчитываться перед ними и разрешать совместно с нарзаседателями наиболее животрепещущие и интересные вопросы практики. При этих условиях, заседатели, приходя в суд для непосредственного участия в качестве судьи, не будут чувствовать никакой отчужденности и смогут проявить себя в судебной работе гораздо более активными, чем это часто бывает сейчас.

Нарзаседатели должны окружить нарсуд кольцом общественного контроля. Вся работа с нарзаседателями должна проходить под руководством и ответственностью нарсудьи, а суды, в свою очередь, должны привлечь к этой работе всех судебно-прокурорских работников.

Суды не проявили себя в достаточной степени и в работе по организации товарищеских судов и примирительных камер. С внешней стороны дело здесь обстоит довольно благополучно, отчетные сведения благоприятны, и сеть тов. судов и примкамер довольно широко раскинута. Но содержание этой работы оставляет желать много лучшего. Коллегия здесь обращает внимание на два момента, а именно: надо особенно следить за тем, чтобы в работу тов. судов не были бы внесены элементы формализма и шаблона и чтобы тов. суды не усвоили себе бюрократических навыков. Эта опасность имеется налицо особенно тогда, когда на местах, не отдавая себе ясного отчета о роли и значении этих судов как общественной организации, в ко-

торую должны переростать государственные суды, принижают роль тов. судов и примкамер, как низших судов в судебной системе.

Руководство деятельностью и правильным направлением работы тов. судов должно являться одной из важнейших задач местных судов. Для проведения этой работы суды должны специально выделить лучших товарищей из числа судей, наиболее подготовленных и способных, знающих фабрично-заводские условия и быт.

Одним из больных вопросов является также оказание юридической помощи населению. Не взирая на ряд директив и циркуляров, решительного сдвига в этом вопросе все еще нет. В юридической помощи нуждаются значительные массы трудящихся, а между тем, вся эта работа ведется почти исключительно силами членов коллегии защитников и ведется явно недостаточно. На ряде фабрик и заводов, в рабочих клубах и домах красноармейца и крестьянина вся работа по оказанию юрид. помощи проводится не нашими силами. Такое положение признать нормальным нельзя. Еще хуже обстоит дело в деревне, где избачивальным, домам крестьянина в их справочной юридической работе судработниками не оказывается никакой помощи, и до сих пор не налажен контроль со стороны судебных работников над этой работой.

Работа по оказанию юридической помощи в порядке отбывания повинности, как это теперь часто бывает, является совершенно недопустимой. Этому должен быть положен конец. Суды на местах должны уделять вопросу оказания юридической помощи населению значительное внимание, и не должно быть в органах юстиции ни одного работника, активно не участвующего в этой работе.

Коллегия НКЮ обратила свое внимание еще на исполнение решений. Мы очень часто, имея определенные достижения в смысле быстрого рассмотрения и прохождения дела в суде, сводим на-нет все эти положительные результаты путем медленного исполнения вступившего в законную силу решения. Верховный суд изучает сейчас этот вопрос и вырабатывает ряд мер к упрощению и ускорению исполнения судебных решений. Но и местные суды должны немедленно, по своей инициативе, поставить перед собой вопрос, каким путем можно без разрешения общего вопроса, улучшить у себя исполнение решений, рационализировать работу судебных исполнителей, установить должный контроль за ними, не загромождать их взысканиями, стоящими дороже, чем взыскиваемая сумма, задерживая иногда из-за этого крупные исполнения, и т. д. Надо проверить, действительно ли решения по алиментным и трудовым делам выполняются вне всякой очереди, немедленно после их поступления, и т. д.

По данным, поступающим в центр, видно, что до сих пор еще далеко не повсюду трудовыми сессиями, а где их нет, нарсудами, достаточно хорошо усвоены директивы о поднятии трудовой дисциплины. На эту сторону работы должно быть обращено особо серьезное внимание. В ближайшее время местные суды должны изучить эти дела у себя, поставить доклады о работе трудовых сессий на пленумах и о своих выводах сообщить Верховному суду.

Верховный суд, по поручению Коллегии, должен издать, на основе изучения местных дел, ряд директивных писем по этим вопросам.

Внимание Коллегии было заострено еще на одном из важных моментов в нашей работе—на проведении революционной законности. О том, что нам нужно продолжать усиленную борьбу за революционную законность, едва ли нужно распространяться. Но какова роль суда в этой работе, ограничивается ли она вынесением судебного решения или приговора или же имеются еще другие задачи? Мы все знаем, какой богатейший материал хранится в наших архивах, в судебных делах, характеризующий и отражающий, как в кривом зеркале, всю работу наших советских, хозяйственных и общественных организаций. Очень часто мы проходим мимо всех этих данных, концентрируя свое внимание только на уголовном моменте, и думаем, что если мы вынесли судебный приговор, то этим мы все сделали, что от нас требуется. Такая точка зрения совершенно неправильна. Суд, сталкиваясь в своей работе с самыми разнообразными случаями нарушения революционной законности, должен сообщать о всех случаях искривления таковой в соответствующие организации для того, чтобы на виновных было наложено взыскание, а учреждения приняли бы надлежащие меры. Побольше частных определений, вытекающих из рассмотрения данного дела. В этом мы должны теснее увязаться с органами РКИ и с организованной советской общественностью.

Отчитываясь перед трудящимися массами о своей работе, суды должны, на-ряду с судебной работой, сказать и о том, что они сделали в смысле улучшения и упрощения нашего аппарата, как они боролись с волокитой и затяжкой дел в судебных инстанциях.

Суды должны уделять достаточно внимания самокритике, ибо только таким путем можно успешно бороться с нашими недостатками. Самоспроверивать свои решения и приговоры, выносить особые мнения, которые обязательно должны коллегиально обсуждаться, тесно связаться и внимательно прислушиваться к критике печати и рабочей общественности—вот что может нам помочь исправлять наши ошибки.

Нам хотелось бы здесь остановиться еще на одном моменте в нашей работе. Это—взаимоотношения высших и низших судов. Помимо взаимной критики, нам думается, что путь, указанный Коллегией НКЮ Верховному суду в целях сближения с местными судами, является достаточно хорошим и для краевых и окружных судов в отношениях их с своей периферией. Живое инструктирование и практическое участие в работе обследуемого суда является лучшим способом проверки этого суда, и таким путем мы оказываем максимальную помощь обследуемому суду, показывая ему на примерах, как нужно работать. То же самое относится и к определениям по конкретным делам, где Верховный суд, как и местные суды, должен не только указывать на ошибки и промахи местных судов, но и на способы их устранения.

Коллегия еще и еще раз подчеркнула, что приговоры и решения должны быть написаны простым и ясным языком, без формальных ссылок на закон. Они должны быть написаны так, чтобы рядовой рабочий и крестьянин мог бы понять все, что там изложено. Это, казалось бы, простое и ясное требование до сих пор на практике почти совершенно не выполняется, и наши судебные решения для не посвященных людей часто являются китайской грамотой.

Доклад Верховного суда и резолюция, вынесенная по докладу, дают сейчас большую зарядку местным работ-

никам. Они получают ряд принципиальных и практических указаний для дальнейшей работы.

Теперь слово за местными работниками. Краевые и окружные суды должны проработать резолюцию НКЮ и на своих пленумах и применительно к местным условиям вынести свои решения.

Общими усилиями мы сможем справиться со всеми новыми задачами, которые на нас возлагаются, и прежде всего с расширением подсудности нарсудов до размеров, о которых еще недавно нельзя было и мечтать.

С этим мы справиться можем и должны, но для этого надо еще энергично поработать.

Ф. Н.

Как работал в 1928 г. Верховный суд РСФСР¹⁾.

1928 г. для Верховсуда РСФСР был годом перелома в его работе. С одной стороны, это был в известном смысле годом юбилейным, ибо завершалось пять лет его работы, как Верховсуда (прежде Ревтрибунала). С другой стороны, к концу этого года началась разгрузка Верховсуда путем передачи кассационных функций его на места: в окружной суд путем расширения подсудности нарсуда и в край- или облсуды вследствие районирования и превращения край- и облсудов в краевые и областные центры. Поэтому мы свой отчет, чтобы дать более ясное представление о нашей работе, начнем с некоторых сравнительных данных и за первое пятилетие.

В своем печатном отчетном докладе за 1923 (первый) год работы мы характеризовали Верховсуд по сравнению с его предшественником, Верх. рев. трибуналом следующими словами:

«Центр тяжести перешел на судебный контроль и судебный надзор, тогда как дела первой инстанции, прежняя трибунальская деятельность, составляет незначительную часть всей его работы. Достаточно будет привести пару цифр о количестве поступивших и рассмотренных дел, чтобы убедиться, какую колоссальную работу нам приходится проделывать в течение одного только года, и я подчеркну, года самого тяжелого, ибо в начале нынешнего года только образованы местные суды по новому образцу и всякому известно, с какими трудностями сопряжена эта работа и сколько она дает перебоев.

Чтобы убедиться, каких размеров достигла работа Верховсуда РСФСР в течение первых 11 месяцев 1923 г., достаточно взглянуть на следующую табличку итоговых сумм дел всякого рода (гражданских и уголовных) по кассационным жалобам (и протестам) и в порядке надзора в кассационных коллегиях:

	Ост. дел. на 1/1-23 г. в Верховсуде	Всего пост. дел в течен. 1923 года	Из них		Всего было дел в произв. в обоих Касс.	Всего рассмотрено	Ост. на 1 дек. 1923 г.	Кол. засед.		
			По гражд. Касскол.	По угол. Касскол.				В Град. Кол.	В Угол. Касскол.	Всего
Абсол.	618	11.012	2447	8.565	11.630	10.754	876	172	593	765
В %	—	100%	22,22	77,78	100%	92,47	7,53	—	—	—

Еще в 1922 г. Верх. трибунал стал общей кассационной инстанцией для всех трибуналов. Если не считать продналоговых дел, которых в 1922 г. в Верх. трибунале было 3.045 и которые в громадном большинстве (1.962 дела) были производством прекращены, за 1922 г. в Верх. трибунале было по жалобам 2.119 дел, а по 1 инстанции поступило 364 дела или 15%, а за 11 мес. 1923 г. в Верховсуд, как во 2 инстанцию, поступило всего (угол. и гражд.) дел—11.012, а по 1 инстанции уголовных дел всего—377 или 3,7%. Ясно, что Верховсуд из суда по важнейшим делам, как 1 инстанция, превратился в суд преимущественно кассационный, в инстанцию судебного контроля и надзора.

Но еще тогда мы писали по поводу права истребования дел в целях надзора: «Кроме истребования дел в порядке надзора по телеграммам о расстрелах (по 172 делам), председатель Верховсуда пользуется правом истребовать в порядке надзора любое уголовное дело любого суда. Это истребование пока, ко-

нечно, совершенно случайно (по заявлениям истребовано 47 дел), наравне с Прокурором Верховсуда, и пред нами стоит серьезная задача найти способ более организованного способа использования этого права надзора, ибо нет сомнения, что слишком много явно неправильных приговоров остается не пересмотренными».

С тех пор прошло пять лет. Количество поступающих дел увеличивалось лавинообразно. Кроме того, к уголовным делам прибавились гражданские дела, количество которых быстро возрастает: в 1923 г. было в производстве 2.260 дел, в 1926 г.—3.539, а за 1928 г.—6.736. Но в то же время количество дел 1 инстанции еще снизилось: в 1923 г. всего было по уголовным делам привлеченных лиц 758, за 1924 г. только—147, но с уходом Военной коллегии в Верховсуд Союза—за 1925 г. лишь 56, 1926 г.—46, 1927 г.—46. За 1928 г. привлеченных лиц было также—46. Та же самая картина была по Суд. коллегии по гражданским делам—за 1923 г. поступило 92 дела; эта цифра снижается до 72 в 1927 г. и в 1928 г.

Величина и стоимость аппарата. Но интересно констатировать, что одновременно с быстрым ростом количества дел, аппарат Верховсуда и расходы на него постепенно сокращаются:

Штат на 1-е январь 1923 г.	353
» » 1-е » 1924 »	339
» » 1-е » 1925 »	212
» » 1-е » 1926 »	194
» » 1-е » 1927 »	192
» » 1-е » 1928 »	182

а ныне, после перехода в единое помещение и объединения административного аппарата НКЮ и Верховсуда, осталось лишь 77 чел., не считая, однако, доли объединенного аппарата.

Расходы за 1923/24 г. составляли	363.500 р.
» » 1924/25 »	318.882 »
» » 1925/26 »	308.432 »
» » 1926/27 »	330.067 »

а если исключить 45.000 р. на капитальный ремонт—285.067 руб.

За 1928 г., т. к. в этом году прошло объединение, расход в точности определить трудно.

Если сопоставить все расходы с общим количеством дел как 1-й инстанции, так и кассационных, то прохождение каждого дела обошлось в 1924 г.—18 р. 80 к., в 1925 г.—12 р. 40 к., в 1926 г.—10 р. 90 к., в 1927 г. 12 р. 10 к. Если же сбросить расход по капитальному ремонту дома, расходы по выездным сессиям и содержание штата 1 инстанции, то каждое кассационное дело обошлось в 1924 г. в 15 р. 35 к., в 1925 г.—12 р. 60 к., в 1926 г.—9 р. 25 к., 1927 г.—9 р. 15 к.

«Карательная» политика. Кто делает у нас карательную или вернее уголовно-судебную политику? Пржнему юристу вопрос показался простым. Законодатель издает уголовный закон, устанавливает, что является преступлением и сколько за каждое из них полагается (от—до) «наказания», точнее, лишения свободы или штрафа. А суд, которому предъявляется дело с обвинением, просто применяет, т. е. исчисляет, точнее—применяет эту меру. Для всякого ясно, что у нас это дело не так просто, ибо когда у нас вначале с изданием УК и перешли к этому буржуазному методу уголовного суда, то дома заключения быстро наполнились, а так как нас никакие обстоятельства не могли заставить строить новые дома заключения, то приходилось просто периодически разгружать эти дома, по общим ли или частным амни-

¹⁾ Извлечение из доклада Верховного суда за 1928 г.

ствиям. Так получилась в результате та мало утешительная картина, про которую мы еще в отчетном докладе 1924 г. писали:

«Мы уже сказали, что нам ныне приходится подчеркивать в своих приговорах, что лишение свободы на 10 лет не есть мягкое наказание». До 1923 г. это было не так. Каждому судье, наверное, приходилось встретиться в делах со справок: подсудимый раз или неоднократно осужден к расстрелу, но—благодаря целому ряду амнистий—ныне на свободе. С этим состоянием ныне покончено¹⁾. Мы впредь должны выносить приговоры, не рассчитывая на близость амнистии. Этот момент недостаточно оценен, особенно на местах. Еще нет у суда в достаточной мере и того чувства, которое судейскую деятельность превращает в искусство правильного применения мертвых статей кодекса к живому человеку, обсуждая его личность и его проступок всесторонне и с надлежащей полнотой. Тому мешает не только недостаточная подготовка судей, но и чрезвычайная заваленность работой. Труднее всего это проделывать в кассационном суде, не имеющем перед собою живых людей, но лишь более или менее, обыкновенно чересчур, толстые бумажные производства о них. И все-таки это приходится делать. В статистическом отчете вы увидите, что за год в 175 случаях или 15,23% (в порядке ст. 437 УПК) приходилось изменить, т. е. смягчить наказание (помимо случаев применения амнистии—в 15%). Кроме того, в 84 случаях прекращены дела, за отсутствием состава преступления и в 38 случаях имела место отмена по явной несправедливости приговора.

Не установилось пока надлежащей соразмерности в определении срока лишения свободы. Как известно, у нас лишь для дел особой важности определена низшая мера наказания и для разряда сравнительно легких преступлений высший ее предел. Колебания между этими пределами бывают чрезвычайно велики. Одно и то же преступление оценивается в 2 и 8 или 10 лет лишения свободы. Если в начале истории нашего народного суда слышались жалобы на слишком мягкие приговоры, то теперь можно скорее говорить о слишком суровой оценке некоторых преступлений и проступков. Может быть, что и тут влияет та же самая неуверенность, останется ли эта мера нетронутой амнистиями.

Эта проблема у нас была чрезвычайно трудно разрешима. Для суда рабочего, да еще состоящего из коммунистов-марксистов, азбучной истиной считалось то положение, что преступление есть либо проявление острой формы классовой борьбы, против которой останется лишь та же борьба: красный террор или плен—изоляция, либо, что преступление является нарушением общественного порядка—дисциплины, вследствие общественно-материальных причин, в которых «виноваты» не люди, а объективные данные. Нам было интересно подробно изучить не азбучную истину, а последовательно сменяющиеся категории массовых преступлений: хозяйственно-должностных преступлений, взяток, бандитизма, железнодорожных или «складочных» краж, затем растрат, хулиганства, прогулы-лодырства и т. д. И все же нам приходилось пока бороться со «стихийными» социальными явлениями теми же, часто сознательно-бесцельными, методами, представляющими простые паллиативные средства, за отсутствием материальной базы для иного, более глубокого подхода к решению проблемы.

Мы прежде всего должны были достигнуть хотя бы известной стабилизации нашей репрессивной политики. УК перерабатывался всего дважды: первый раз в сторону удлинения максимального срока лишения свободы (вместо 5 лет—10), но с установлением и минимального срока в 6 месяцев. В результате получилось чрезмерное удлинение сро-

ков лишения свободы для простых бытовых преступлений. Верховуду пришлось вести самую серьезную борьбу, путем ст. 437 УПК, за снижение репрессий по бытовым преступлениям.

Вышел УК 1926 г. с снижением размера минимального срока лишения свободы до одного дня, а в результате переполнение домов заключения краткосрочно заключенными. Новый протест—и на этот раз марксистски обоснованное постановление Совнаркома от 26 марта 1928 г. (первое постановление состоялось еще летом 1927 г.) с предписанием немедленно упразднить кратковременное лишение свободы и срочно составить новый кодекс с изъятием из него лишения свободы до 1 года. Это последнее постановление было принято Совнаркомом в такой формуле, что оно подлежит немедленному исполнению. Это было разъяснено в циркулярах НКЮ от 30.VI—28 г., циркулярами Верховуды от 29 августа 1928 г., затем циркуляр Верховуды от 21/XI—28 г. разъяснил, что необходимо немедленно провести в жизнь (до утверждения сессией) неопубликованное постановление През. ВЦИК о том, что принудительные работы или службы оплачиваются лишь в 50% (в исключительных случаях—75%) зарплаты.

И все же и на этом еще не завершился окончательный перелом в борьбе против кратковременного лишения свободы, не достигающей ни устроения, ни «исправления», ни продолжительной изоляции. Почему новая мера социальной защиты, принудительные работы без заключения, которую мы ввели с 1918 г., не имея пред собой другого примера кроме только нескольких случаев земледельческих колоний,—так туго прививалась и почему никто в нее не верил? Отчасти ее успеху препятствовали перенесенные к нам из профсоюзов Запада требования: оплаты арестантского труда в полной мере без вычета и протест против конкуренции труда заключенных. Это отпадо лишь с изданием вышеприведенных разъяснений и то лишь для части осужденных. Но, повидимому, осталась еще недостающая материальная база, которая получила разрешение лишь ныне в успехах нашего социалистического строительства по нашей плановой пятилетке.

Но даже после постановления Совнаркома от 26 марта 1928 г. эта борьба за замену лишения свободы шла недостаточно резко. Произошло даже разногласие между Верховудом и Прокуратурой:

Возник по делу вопрос, может ли кассипетация применять это постановление Совнаркома в том смысле, что она вправе сама заменять кратковременное лишение свободы—иными мерами, кроме принудительных работ, ибо когда 13 ноября 1928 г. в Президиуме Верховуды были поставлены на обсуждение предложения УНК и ее прокурора в этом смысле, то президиуму пришлось вынести следующее постановление:

«В виду заявления тов. Крыленко о том, что постановление ВЦИК и СНК от 26 марта 1928 года является лишь директивным указанием для выработки нового закона, а пока новый закон не выработал, суды не вправе применять указанное директивное постановление в части, противоречащей ныне действующим и неотмененным законам,—вопрос с обсуждением снять впредь до рассмотрения общего вопроса об обязательном применении судами директив, указанных в постановлении ВЦИК и СНК от 26 марта 1928 года.

Поручить тов. Чельшину по этому последнему вопросу поставить доклад на ближайшем заседании Президиума Верховуды».

Но в это время (23/XI—28 г.) вышел новый циркуляр НКЮ, спор был снят и Президиум Верховуды 4 декабря 1928 года мог постановить: «Вопрос считать исчерпанным циркуляром 23 ноября 1928 года (№ 49/9), которым судам, в том числе кассационной инстанции, предлагается заменять краткосрочное лишение свободы принудительными работами и другими мерами социальной защиты».

Постановл. УНК об обходе лишения свободы. В самый Верховуд дел о краткосрочном лишении свободы поступало сравнительно немного, поэтому цифр у нас немного. Но на местах мы замечаем вновь, как до-

¹⁾ Характерное явление констатирует Дисциплинарная коллегия в заседании от 29/XI 1923 г., когда она пишет: «добавим к этому странную практику, установившуюся в губсуде, а именно: в виду частых амнистий и помилований осужденных... выносить приговоры с увеличением вдвое наказания». В данном деле это привлекло дисциплинарную меру, но надо только подумать, насколько такая практика суда дика.

вольно распространенное явление—обход постановлений Совнаркома путем назначения лишения свободы на сроки немного (на два-три месяца) больше года, подлежащего обязательной замене. Бера в кратковременное лишение свободы, повидимому, еще сильна.

Это, между прочим, подтверждается крайне медленным проведением в жизнь постановления правительства от 26 марта 1928 г. на местах. По данным статотдела НКЮ даже во второй половине 1928 г., т. е. после целого ряда указаний НКЮ и Верховсуда о неприменении кратких сроков лишения свободы, процент осужденных к этой мере социальной защиты был очень значителен. Так, например, по судам Иваново-вознесенской губернии за вторую половину 1928 г. к лишению свободы на срок до 1 года было приговорено 13,0% всех осужденных, по судам Тверской губернии тот же процент был равен 20,4%, а по Архангельской губернии—22,1%. Только в 1929 г. проценты эти резко снижаются и за счет этого снижения соответственно повышается процент осужденных, приговоренных к принудительным работам.

Это можно видеть из следующей таблицы:

Процент к общему числу осужденных Ив.-возн. губ. Тверск. губ. Арханг. губ.			
Лишение свободы на срок до 6 мес.			
за 3 мес. 29 г. . . .	7,8	7,8	4,7
Принудительные работы:			
за 2 пол. 28 г. . . .	33,4	29,2	37,2
за 3 мес. 29 г. . . .	49,0	47,7	56,5

Однако, как видно из имеющихся в статотделе данных, резко снизилось только применение лишения свободы до 6 мес. Что же касается лишения свободы от 6 мес. до 1 года, то применение этой меры соц. защиты снизилось весьма незначительно. Так, например, по Тверскому суду во 2-й половине 1928 г. 3,8% осужденных было приговорено на сроки от 6 мес. до 1 года лишения свободы, а за 3 месяца 1929 года процент этот снизился до 2,6%, по Архангельскому суду те же проценты равняются 4,7 и 3,5, а по Иваново-вознесенскому суду имеется даже некоторое повышение процента (с 2,8% до 3%).

Верхсуд и гражданское право. Еще труднее, чем по уголовным делам была задача Верховсуда установить правильную судебную политику, по гражданским делам. Мы как-то формулировали эту мысль в «ЕСЮ» № 8—1925 г.) словами: Пролетарский суд и буржуазное право. ГК так и был и остается поныне в большей своей части перепечаткою буржуазных кодексов. Эта необходимость вытекает из самого гражданского оборота при НЭП'е. В то время не только быстрого разработки кодекса, но и другие объективные данные были причиной недостатков кодекса, который приходилось пояснять, дополнять и—нечего скрывать—исправлять судебной практике, главным образом, Верховсуду и его Пленуму, но на первой ступени ГКК, ибо принципиально новая советская постановка вопроса обычно нами робко проводилась по конкретным делам ГКК, и разъяснения Пленума всегда исходили из конкретных дел и кабинетных разъяснений у нас не было.

Право и политика. Когда мы писали отчетный доклад за 1923 г., гражданских дел в Верховсуде было еще немного. Тогда отчет ставил Верховсуду следующую задачу:

«Это звучит несколько непривычно, если в отчетном докладе о деятельности гражданского суда говорится о политике. Гражданское право казалось всем так далеком от всей политики. Ведь и наш ГК (в ст. 4) провозглашает пол, раса, национальность, вероисповедование, происхождение не имеют никакого влияния на объем гражданской правоспособности. Но, между тем, наши гражданские законы определенно «вносят политику» и в гражданские правоотношения, а ст. 4 ГКК так и гласит: «за недостатком узаконений и распоряжений для решения какого-либо дела, суд решает дело, руководствуясь общими началами советского законодательства и общей политикой рабоче-крестьянского правительства». Целый ряд статей вводного закона ГКК вносит также политический оттенок (ст. 5, 2 и др.).

Гражданский оборот у нас в законных рамках вновь намечается лишь с 1922 г. (временные правила), экономическая жизнь с каждым днем ставит новые задачи, не поддающиеся предвидению даже в самом идеальном кодексе. Суду приходится со всем этим считаться. Но если уголовный суд у нас стал довольно скорым (сокращенные сроки и т. д.), то гражданские дела—уже в виду более продолжительных сроков—движутся значительно медленнее. Кроме того, у нас до 1 сентября 1923 г. не было нового процессуального кодекса, суды руководствовались декретом о народном суде, а затем временной инструкцией Наркомюста, составленной применительно к УПК. С введением Процессуального кодекса жалоба частных лиц не приостанавливает исполнения. Наконец, губсуд решает лишь сравнительно крупные дела, а порядок надзора по гражданским делам (за исключением прав Прокурора Республики и Председателя Верховсуда) по отношению к вступившим в законную силу решениям сведен на-нет, почему фактического материала в практике Верховсуда пока накопилось немного.

Но если в 1923 г. в ГКК гражданских дел в производстве было 2.260, то за 1926 г. их было уже 8.539, а за 1928 г. (после сокращения кассационных дел) все же еще 6.736 дел. Большая часть этих определений дала не только разрешение конкретного дела, но и аналогичное, хотя и не обязательное для решения подобных же дел определение. Но еще большее значение имели нарастающие количественно обязательные разъяснения Пленума. Такие разъяснения, как например, о том, что в советском государстве все предлагается госответственностью, пока не доказано противоположное (при буржуазном строе наоборот); что госответственность не подвергается давности и т. д. исходили из Верховсуда и еще поныне не внесены в закон, но получили настолько общеобязательное значение, что, очевидно, войдут в общесоюзные начала гражданского законодательства. Одна ко д и ф и к а ц и я нынешней политики составляла бы новый кодекс и таким путем, вероятно, и пройдет его составление. Как первый шаг к тому, ныне выходит систематический сборник этих разъяснений.

Успех Верховсуда в области гражданского права был признан Коллегией НКЮ и Съездом работников юстиции в словах резолюции по моему докладу: «Шестилетняя судебная практика РСФСР по применению ГК, в связи с теоретической постановкой вопросов гражданского права, настолько разработала и выявила правовой характер имущественных отношений настоящего переходного к социализму периода, что мы имеем все необходимые элементы для составления нового ГК».

В истекшем году Верховсуду не приходилось решать особенно важных принципиальных вопросов; он ограничился дальнейшей разработкой целого ряда уже предпринятых вопросов, но можно отметить целый ряд разъяснений, вскрывающих новые виды недопущенной переуступки прав на землю, обнаружение новых случаев неправильного освобождения от национализации (напр., о домовладениях, находящихся при национализированных фабриках, которые также должны считаться национализированными и т. д.). Выходящий в ближайшее время сборник этих определений даст исчерпывающий материал.

Иногда слышны упреки, что выходит слишком много циркуляров и разъяснений. Верховсуд в этом не повинен; он, напротив, чрезвычайно часто отклоняет дачу общих разъяснений, требуя, как основания, конкретного дела и кроме того самостоятельности местных судов. Так, напр., Верховсудом было издано циркуляров за весь 1928 г.—только 9. С изданием нового кодекса старые разъяснения, входя в текст закона, отпадут и, надеемся, исчезнет и потребность в массовых новых разъяснениях.

Надо отметить, что в интересах единства практики, с одной стороны, и как ценный материал для работы по проекту ГК,—с другой, в течение двух лет систематически велась работа по регистрации по карточной системе определений кассационных, особенно по ГКК, одновременно по этой же системе регистрируя определения местных пленумов, да еще пленумов верховсудов союзных республик. Такая же работа необходима была бы по краевым и областным

судам. К сожалению, сокращение штатов несколько сократило и эту работу. Но то, что уже сделано, значительно облегчит работу по проекту ГК.

Цифровые данные о работе Верховсуда за 1928 год. По данным статистики основная работа Верховсуда, т.е. работа его кассационных коллегий, за 1928 г. представляется в следующем виде:

По Уг.-касс. коллегии за 1928 г. рассмотрено в кассационном порядке 14.396 дел в отношении 30.849 осужденных и оправданных и, кроме того, в порядке надзорном рассмотрено 2.486 дел. По кассационным делам основные изменения, внесенные УКК в приговоры судов 1-й инстанции, выражаются в следующей таблице (для сравнения в ней приведены % соотношения за 1926 и 1927 гг.).

Годы	Приговор в силе	Снижено			Приговор отменен	Дело прекращено	Всего осуждено
		Ст. 437 УПК	Пост. пр. 26 марта	по амн.			
1928 г.	21.478	4.285	842	2.042	1.208	966	30.849
1927 »	69,7	13,9	2,8	6,6	3,9	3,1	100%
1926 »	64,7	11,0	—	13,2	7,0	4,1	100%
1925 »	78,4	8,2	—	1,0	8,2	4,2	100%

Сравнительные данные о процентных соотношениях за последние три года характерны, прежде всего, в отношении роста применения ст. 437 УПК, т.е. применения снижения меры соц. защиты. В 1926 г. ст. 437 УПК применена в отношении 8,2% осужденных, в 1927 г.—в отношении 11,0%, а в 1928 г. уже в отношении 13,9% осужденных при чем нужно еще прибавить 2,8% осужденных, которым мера социальной защиты была снижена в порядке применения постановления правительства от 26 марта 1928 г. Эти данные являются внешним выражением тенденции за снижение репрессии по бытовым преступлениям, о которой уже говорилось выше.

Далее, приведенные в таблице данные характерны в отношении постепенного уменьшения процента отмены приговоров и прекращения дел. Уменьшение это, в основном, должно быть отнесено за счет улучшения качества работы судов и большей увязки подхода судов 1-й инстанции и Верховсуда к разрешению вопроса о наличии той степени социальной опасности, которая должна связываться с преследованием лица в уголовном порядке.

Как выше было указано, в порядке надзора Уг. кассколлегии в 1928 г. рассмотрела 2.486 дел. То же число за 1927 г. равняется 2.204, а за 1926 г.—1.940. Таким образом, число дел, рассмотренных в порядке надзора, медленно росло.

По Гражданской кассколлегии рассмотрено было в 1928 г. всего 6.534 дела. Из них:

В кассационном порядке рассмотрено	4.418 дел
В надзорном порядке	1.712 »
По частным жалобам	433 »

Соответствующие данные за предыдущие годы показывают несколько иное соотношение между числом дел, рассмотренных в кассационном и в надзорном порядке. Так, в 1926 г. при общем количестве 5003 дел, рассмотренных в кассационном порядке, было рассмотрено в надзорном порядке 1050 дел. Соответственные цифры для 1927 г. показывают 5725 д. и 838 д.

Это сопоставление обнаруживает изменившийся характер работы ГКК в 1928 г. в сторону увеличения как абсолютного числа дел, просматриваемых в порядке надзора, так и удельного веса надзорной работы во всей ее деятельности.

Из числа всех кассационных дел, рассмотренных ГКК в 1928 г., ею отменены решения по 1170 делам, что составляет 26,5%. В предыдущие годы % отмененных решений по кассационным делам был значительно выше. В 1926 г. отменено 41,5%, в 1927 г.—32,5%. Постепенное, ежегодно обнаруживающее себя снижение процента отмененных решений находит себе объяснение, с одной стороны, в усилении работы ГКК

по инструктированию и руководству местными судами и в повышении качества работы самих местных судов и, с другой стороны, отчасти в том, что с каждым годом Гражд. кассколлегией расширяется практика изменения решений судов по ст. 246 ГКК без передачи дела на новое рассмотрение. Последняя черта в работе ГКК характеризуется следующими данными. Если в 1927 г. ею изменено 2,9% всех рассмотренных ею кассационных дел, то в 1928 г. измененные решения составляли уже 10,3%.

Не мало пришлось поспорить о применении ст. 246 ГКК, разрешающей при известных, крайне ограниченных условиях, изменение решений первой инстанции. Но еще 20 декабря 1926 г. пришлось по протесту прокурора Пленуму вынести следующее определение: «Принимая во внимание, что ГКК Верховсуда была вправе изменить квалификацию отношений как они установлены судом, вместо ст. 403 по ст. 399 ГК (с. разъяснения Пленума Верховсуда от 1 июня 1925 г., пр. № 8, п. 1), что ГКК Верховсуда также правильно определила размер иска, исходя по общему правилу из суммы, вырученной коммуналом от продажи лоскута (разъяснение Пленума Верховсуда от 1 ноября 1924 г. протокол № 20, п.8), но в виду протеста прокурора о том, что изменение резолютивной части решения губсуда по настоящему делу формально выходит за пределы изменений решений, допускаемых 246 ст. ГКК без передачи дела на новое рассмотрение суда 1-й инстанции, Пленум Верховсуда постановляет: «во изменение определения ГКК Верховсуда от 29 июня 1926 г., решение Ленинградского губсуда от 2—19 апреля 1926 г. отменить и дело передать в Ленинградский губсуд для определения размера вознаграждения гр-на Левитана в соответствии с мотивами определения ГКК Верховсуда и настоящим разъяснением».

Верхсуд и прокуратура. По положению о Верховсуде в заседаниях Президиума и Пленума обязательно участвует прокуратура. По УПК (ст. 435) прокурор после объяснений сторон (сверх своей роли как обвинителя) дает свое заключение. Он вправе опротестовать любое определение. По ГКК это право дачи заключения несколько суживалось, но по последней редакции (ст. 244 ГКК) прокурор свое заключение опять может дать по любому делу. Право протеста на ГКК установлено в пределах ст. 254-в, при чем, однако, Верхсуд разъяснил, что повод к подаче протеста (нарушение закона, интересов государства и т.д.) относится к дискреционной власти прокурора и что Верхсуд проверяет лишь правильность протеста по существу. Прокуроры, как блюстители за революционной законностью, являясь по идее в известной мере комиссарами верховной центральной власти при советском госаппарате. Как, однако, это осуществлялось по отношению к органу, который сам ведал соблюдением революционной законности, т.е. к суду? Весь первый период существования Верховсуда отношения были настолько близки, что в УКК вместо того, чтобы работать параллельно, суд и прокуратура, работали, разделяя труд, т.е. дела готовились и докладывались либо судом, либо прокуратурой. Эта ненормальность вызывалась слишком большим наплывом касс. дел. Даже в те последние два года, когда происходили принципиальные споры о будущей компетенции, практически отношения оставались прежние; только прокуратура все реже и реже заменяла докладчика, и процент протестов, хотя и мало заметно, повысился. Но зато прокуратура просматривала все дела после их решения, от чего иногда даже происходило замедление в отправке дел на места. Естественно возник вопрос, необходима ли такая двойная работа, и дает ли она заметные результаты. Вопрос вероятно, решится в пользу сближения этих работ, при чем в проекте это объединение раньше выдвигалось для центра, чем для мест; а на практике результат получился иной (см. ниже).

Количество и результаты протестов прокуратуры на определения Кассколлегии видны из следующих цифр, в которых эти протесты сопоставлены с протестами председателя Верховсуда:

ПРЕЗИДИУМ

По уголовным делам

За весь 1928 г.

Протесты председателя 57 удовл.—51, откл.—6
 Протесты прокурора 80 » —66, » —14
 (0,46% к общему количеству рассмотренных в УКК дел).

За октябрь—декабрь 1928 г.

Протесты председателя 14 удовл.—13, откл.—1
 Протесты прокуратуры 39 » —32, » —7

По гражданским делам:

За 1928 г.

Протесты председателя 123 удовл.—116, откл.—7
 Протесты прокуратуры 51 » —37, » —14
 (0,6% к общему количеству рассмотренных в ГКК дел).

За октябрь—декабрь 1928 г.

Протесты председателя 31 удовл.—30, откл.—1
 Протесты прокуратуры 10 » —6, » —4

ПЛЕНУМ

По уголовным делам

За весь 1928 г.

Протесты председателя 23 удовл.—20, откл.—3
 Протесты прокурора 29 » —21, » —8
 (0,18% к общему числу рассмотренных дел)

За октябрь—декабрь 1928 г.

Протесты председателя 3 удовл.—2, откл.—1
 Протесты прокуратуры 17 » —13, » —4

По гражданским делам:

За весь год

Протесты председателя 48 удовл.—47, откл.—1
 Протесты прокурора 14 » —8, » —6
 (0,2% к общему количеству рассмотренных дел).

Производительны ли тратятся параллельно энергия двух органов, имеющих однородное назначение? Интересно, что по постановлению об опытной работе 7 окрестов Коллегия НКЮ 23 мая 1929 г. вынесла определение:

«П. 2 ...по всем остальным делам подача жалоб отменяется. Судебный надзор по этим делам принадлежит председателю окружного суда».

Работа ГКК и УКК. Отчеты ГКК и УКК за 1928 г., доложенные в Президиуме Верховсуда от 14 мая 1929 г. и утвержденные им, напечатаны в «Суд. практике», почему я помещенных в них данных здесь не повторяю.

Формальный подход. Обыкновенно суды обвиняются в слишком формальном отношении к делу. Доля правды, особенно по гражданским делам, в этом обвинении, имеется, и нам, даже в составе самого Верховсуда, приходилось против него бороться. Но эта сторона все же страдала преувеличениями, особенно вследствие привычки ссылаться на статьи, а не на их содержание. Вследствие этого и статистика давала цифры об отмене приговоров и решений по нарушению статей закона, т. е. по формальным соображениям. Но еще в наказе УКК и ГКК указывалось на отказ от лишнего формализма и по поводу выработки нового УПК как раз Пленум Верховсуда, не без возражения, принял, как свою формулу, слова: «не отменять ни одного явно правильного приговора по формальным поводам, а равно не оставлять в силе или без изменения по формальным соображениям, ни одного явно неправильного приговора». Эта мысль целиком была включена в проект УПК, но на деле ею Верховсуд руководствовался и раньше.

Если просматривать практику Верховсуда по гражданским делам, то как раз последовательная борьба с формальным подходом характеризует особенно практику последних лет. Так, например, в первые годы Верховсуд был очень требователен по отношению к формальному засвидетельствованию актов, напр., ст. 137 ГК; правда, он делал это в интересах контроля и затем в целях борьбы с неплатежом нотариальных сборов. Теперь необходимость в такой опеке уменьшилась, а к выполнению недостающих формальностей и доведению недостающих сборов суд присуждает сторон принудительно засвидетельствовать договор, внести по-

тариальные сборы, отметить домовладение за собственником в комхозе и др. А правовое основание для этого дал суду закон о запроедаже, который вводит требование путем суда принудительного совершения окончательного договора продажи. Этот способ упрощает процесс, т. к. раньше всегда приходилось вести сложный расчет об убытках за неисполнение договора. Как легко, однако, проявляется волокита при негибком подходе—видно из следующего примера. Верховсуд неоднократно предписывал судам в одном процессе разрешить все взаимоотношения сторон без их дробления. Но, вот, в конкретном деле суд нарушил это правило, а дело в решенной части решил правильно. Кассинстанция отменила решение за нарушением разъяснения Верховсуда. Пленум Верховсуда отменил это определение, ибо в интересах борьбы с волокитой «это нарушение не должно повлечь за собою отмену уже состоявшегося решения, если оно признается правильным по существу».

Классовый подход. Борьба за правильность и выдержанность классового подхода при разрешении судебных дел, несомненно, являлась самой трудной, но и самой сильной стороной работы Верховсуда.

В первое время классовый подход суда понимался очень упрощенно и индивидуально. Слова «принимая во внимание пролетарское происхождение» спизить или смягчить и т. д. наказание превратились как бы в пословицу, над которой даже посмеивались. Ведь самое установление классовой принадлежности было крайне упрощено; не было иных занятий, значит—чорнорабочий и т. д.

В моем отчетном докладе за 1923 г. были приведены данные о делении по социальному признаку осужденных судами к высшей мере социальной защиты: 23,6%—рабочих, 47%—крестьян, 20,7%—интеллигенции и служащих и 8,5%—буржуазии. По поводу этих процентных соотношений я в том же отчете писал: «Я даю эти цифры лишь с оговоркой. Анкеты в отдельных делах настолько разноречивы и неопределенны, что сама классификация возбуждает известные сомнения. По делам о бандитизме люди без определенных занятий и деклассированные заносятся просто как «чорнорабочие» и т. д. Мы можем установить уменьшение % рабочих и увеличение % крестьян. К сожалению, группировка не проведена по отдельным преступлениям. С другой стороны, цифры интеллигенции и буржуа были бы лишь тогда убедительны, если бы дополнительно было бы сделано процентное исчисление по отношению ко всему количеству этих социальных слоев. Неудовлетворительная постановка классового подхода одновременно побудила к этому вопросу подойти вплотную как комиссию по исполнению приговоров и разгрузке мест заключения, так и Пленум Верховсуда, который поручил особой комиссии составление особого циркуляра в этом отношении. Мы воздерживаемся здесь от сообщений личных наблюдений и впечатлений, но мы можем только сказать, что более подробная разработка цифр судимости по всем судам даст чрезвычайно важный и социально интересный материал для коренной постановки вопроса о дальнейшем направлении нашей карательной политики. Приведенные цифры должны дать толчок в этом отношении».

Для достижения правильного классового подхода судов при разрешении уголовных дел, прежде всего, Верховсуд стремился к упорядочению учета осужденных по социальному признаку. Это было им выполнено уже циркуляром № 38 от 22 декабря 1924 г., которым было предложено судам до вынесения приговора по каждому делу подробно выявлять социальное положение подсудимых.

Циркуляр этот, несомненно, сыграл значительную положительную роль как в отношении упорядочения учета осужденных, так и в отношении фиксирования внимания судов на социальном положении осужденных. Это видно хотя бы из сравнения вышеприведенных данных за 1923 г. с такими же данными за 1928 г. В 1928 г. общее число 487 лиц, приговоренных к высшей мере социальной защиты, по социальному признаку распределяется уже следующим образом: рабочих—9%, крестьян—36%, служащих и интеллигенции—4,5%, буржуа—9% и деклассированных элементов (без определения занятий)—41,5%.

Но в 1924 г. (21/7) в наказе УКК Верховсуд высказал свои соображения о классовом подходе еще и в другом смысле:

«Будучи, как всякий суд, судом классовым, наш уголовный суд в определении состава преступления, степени и характера преступности подсудимого и применения к нему наказания или меры социальной защиты должен руководиться теми общими целями, которые поставил себе рабочий класс в целом как в декретах, так и в общей политике своего Рабоче-крестьянского правительства: строго проводя линию между лицами, вследствие своей классовой принадлежности чуждыми пролетарскому государству по духу, с одной стороны, и совершившими преступление лицами из трудящихся масс, с другой, при чем по отношению к первым, как совершившим преступление в силу классовой ненависти, классовой психологии или прежних классовых навыков, о каком-либо исправительно-трудовом воздействии и речи быть не может, тогда как по отношению к последним, если они совершили преступление впервые, по заблуждению, нужде или т. п. мотивам, польза классowego исправительно-трудового воздействия отнюдь не исключена. В виду этого УКК должна бдительно следить за тем, чтобы суды в своих приговорах вопрос о классовой принадлежности подсудимого в указанном выше смысле всякий раз ставили себе отчетливо и сознательно».

Значит, Верховсуд уже в 1924 г. был далек от механического учета социального положения при назначении меры социальной защиты. И в инструктивных письмах УКК и в определениях по конкретным делам Верховсуд неоднократно подчеркивал необходимость оценки социальной опасности преступления и лица, его совершившего, с точки зрения интересов рабочего класса в целом.

Свое конкретное выражение этот общий принцип получил в том, что особенное внимание Верховсуд обращал на важность тесной увязки решения по каждому судебному делу с теми непосредственными задачами общего строительства, которые для данного момента имели наиболее актуальное значение. Поэтому правильность ориентировки судьи в вопросах общей политики, гибкий подход его к решению судебного дела и умение судьи связать последствия конкретного правонарушения с особенностями каждого данного этапа строительства Верховсуд считал неперенным условием правильной классовой политики. Естественно, что это было возможно только тогда, когда суд по каждому делу подробно уяснял себе социальные корни, которые в конечном итоге вызвали данное преступление, и степень связанности лица, совершившего преступление, с идеологией определенного социального слоя. Эти, казалось бы, азбучные истины, к сожалению, далеко не всегда были усвоены и проводились на практике судами. Так, один из губернских судов в период острой нехватки муки в городе, где мука продавалась только по установленным нормам потребителям-рабочим, рассматривая дело о продавцах кооператива, продавших большую партию муки торговцам по повышенной цене, не только не привлек к уголовной ответственности этих торговцев за соучастие в преступлении, но даже постановил выдать этим торговцам купленную ими муку, фигурировавшую в деле, как вещественное доказательство.

Классовый подход суда по гражданским делам. Первоначально этот подход был весьма упрощенным.

В наказе (1924 г.) ГПК Верховсуда мы относительно классowego подхода читаем: «Наш суд в каждом гражданском деле выясняет и принимает во внимание классовую подоплеку данного дела и классовую принадлежность заинтересованных в процессе сторон, но при разрешении конкретного дела руководствуется не только индивидуальными интересами сторон, но и общими целями, которые поставил себе рабочий класс в целом и теми особыми указаниями для достижения этих целей, которые выражены в революционных кодексах и декретах, и лишь при их недостаточности для вынесения правильного решения, обращается к выводам из общей политики Рабоче-крестьянского правительства (ст. 4 ГПК)». С тех пор прошло много времени. Дела по вопросам муници-

пализации или демуниципализации ныне довольно редки; борьба напмана за расширение прав на суде, равным образом, против применения прим. 1 к ст. 59 ГПК о праве собственности бывших собственников почти что прекратилась. Дела сельского кулака и батрака в Верховсуд попадают весьма редко.

Насколько иногда для местных судей неясна еще классовая точка зрения, доказывает такой факт, что Верховсуду приходится вынести определение: «Наше законодательство борется с кабальными сделками с целью защиты только интересов трудящихся, и что поэтому неправильно удовлетворять иски о расторжении сделок в силу мнимой кабальности, если истцы являются представителями чуждых нам классов» («Суд. пр.» 1929 г. № 2, стр. 6). А в другом решении пришлось пояснить, что о кабальности не может быть речи в договоре в пользу пролетарского государства. («Суд. пр.» № 3, 1929 г., стр. 2—3).

Весьма трудно решить вопрос о классовой принадлежности или о трудовом характере квартиронанимателей, по делам которых чаще всего решающую роль играет слово «трудящийся», ибо тут недостаточно формальных данных о принадлежности к профсоюзу и т. п. ГПК классовой момент отчасти скрывает под названием «имущественного положения» (напр., ст. 411 о вознаграждении за убыток), при чем опять-таки пришлось разъяснить, что под понятие имущественно сильнейшего нельзя подвести государство рабочих. Вообще определение по конкретным делам классowego характера сторон особенно трудно по гражданским делам, где нет анкет и где так часто делается ссылка, напр., на принадлежность к профсоюзу для того, чтобы скрыть свое настоящее лицо. Практика наметает критерий классowego подхода к сделке—договору отчасти в цели сторон в сделке: просто обмен товаров—снабжение или договор в целях прибыли и сверхприбыли (спекуляция); к домовладению—для проживания или для получения нетрудового дохода. Но все эти пояснения Верховсуда разбросаны по отдельным конкретным решениям и только в общем итоге проявляют общий классовой подход.

Передача кассационных функций на места. С передачей кассационных функций в краевые и окружные работы Верховсуда сокращается и видоизменяется, о чем будет речь дальше. Каковы будут результаты местной кассационной работы, пока говорить рано и приведенные здесь данные мало показательны. Для усиления состава крайсудов Верховсуд выделил из числа членов Верховсуда всего уже 7 человек в качестве кандидатов в председатели или их заместители. Этот метод предполагается продолжать. Кроме того, в 1928 г. Верховсуд, с одной стороны, признал право за председателями и их заместителями как краевых и обл., так и оставшихся губсудов заседать в качестве членов Кассколлегии Верховсуда и, когда они добровольно не приезжали, даже их «мобилизовал». В то же время Верховсуд при обследовании уполномочивает своих членов заседать в составе или в качестве председателей в ревизуемых судах. Это—новый метод сближения и достижения единства судебных решений.

Но каково единство кассационной практики краевых судов на деле?

Практика, как мы уже сказали еще недостаточно учтена, но по имеющимся сведениям она представляет довольно значительные колебания.

В работе ГПК обл. и крайсудов наблюдается разноеобразие практики, которое ставит перед Верховсудом РСФСР задачу изучения причин, порождающих такое и принятия мер к его устранению.

Дисциплинарные дела. На основании постановления Съезда ВКП (б) и Президиума ВЦИК 18 июня 1928 г. Указом Верховсуда упразднил дисциплинарные коллегии при судах:

«На основании постановления Президиума ВЦИК от 8 мая 1928 г. дисциплинарные коллегии как Верховсуда, так и всех остальных судов упразднить. Дела, находящиеся в дисциплинарных коллегиях по первой инстанции и незаконченные производством, передать в надлежащие судебные учреждения, если, по мнению дисциплинарной коллегии совершенные судебными работниками проступки являются достаточно серьезными для передачи их в судебные органы на разрешение в порядке дисциплинарного производства, или же пред-

седателям соответствующих судов для наложения дисциплинарного взыскания в порядке подчиненности в тех случаях, когда по степени серьезности совершенного проступка дисциплинарная коллегия не признает необходимым направить это дело в суд.

При наложении взыскания в порядке подчиненности председатели судов руководствуются положением о дисциплинарной ответственности в порядке подчиненности и дополнениями к нему, принятыми Президиумом ВЦИК 28 мая 1928 г. При чем согласно этому постановлению Президиума ВЦИК отстранение от должности судебных работников в дисциплинарном порядке налагается должностными лицами и органами, от которых зависит назначение, избрание или утверждение в данной должности.

Для того, чтобы оценить значение этого постановления, надо иметь в виду, что за 5 лет (1923—28) в дисциплинарной коллегии было возбуждено в качестве первой инстанции 160 дисциплинарных дел, из коих 84 было прекращено, по 4 делам возбуждено уголовное обвинение, а по 72 вынесено взыскание (16 снятий с работы, по остальным выговоры и замечания) больше всего за халатность, волокиту и неисполнение распоряжений. Дисциплинарная коллегия в качестве 2 инстанции рассмотрела всего 555 дел, из коих прекращено было 143. Но в то время, как число с 49 д. в 1923 г. до 28 д. в 1927 г., количество обжалуемых определений резко увеличивалось с 60 (в 1923 г.) до 143—в 1927 г.

Ко времени отмены дисциплинарных судов и коллегий возбужденные дела (всего 73) подпали под амнистию и были прекращены.

1928 г. был переходным периодом, когда дисциплинарные суды прекращались, административные и судебные (по 2 ч. 112 ст. УК) взыскания не были наложены.

О том, сколько дел рассмотрено по-новому в общих судах и какие их результаты, сводных данных нет. Работу этого переходного периода нельзя назвать особенно удачной; лишь начинают поступать более интересные данные, но они относятся уже к 1929 году.

Судебное управление. В составе НКЮ до 1 октября п. Г. существовал Отдел судебного управления, состоящий из двух п/отделов: инструкторско-ревизионного и государственного нотариата, при чем штат этого отдела выражался в 37 единиц, из которых 16 единиц по инструкторско-ревизионному п/отделу и 1 единица по п/отделу государственного нотариата. В связи с слиянием НКЮ с Верховным был ликвидирован Отдел судебного управления, а выполняемые им функции в области наблюдения за деятельностью губернских, обл., краевых и главных судов РСФСР отнесены к компетенции Верховного, при чем к Верховному из прежнего аппарата перешло все, по после сокращения лишь три человека, а по нотариальному п/отделу лишь один работник (при ГЖК).

Работа п/отдела в области наблюдения, инспектирования и ревизий губ., обл., краевых и гл. судов в основном протекала в 1928 г. еще в неурегулированном порядке и состояла из «проработки» попрежнему поступающих с мест материалов, так равно в участии в ревизиях и ревизионных совещаниях.

Проработка поступающих с мест материалов. Прорабатывались поступающие с мест следующие материалы: а) протоколы заседаний пленума, а от судов краевых и областных объединений и президиума; б) циркуляры, указы, инструкции, инструктивные и директивные письма; в) протоколы с/ездов работников юстиции; г) акты ревизий окрсудов; д) разъяснения ИРО, даваемые местным судработникам; е) доклады по проработке отдельных категорий дел; ж) планы работ и сведения об их выполнении; з) литературные (текстовые) отчеты. Помимо этих материалов давались также ответы по запросам судов, а равно рассматривались жалобы от судебных и нотариальных работников мест по вопросам об увольнении, перемещении и о наложении дисциплинарных взысканий.

При проработке полученных с мест материалов обращалось особое внимание и давались необходимые указания в отношении основных отраслей деятельности судучреждений, как-то: районировании участков нарсуда; о ставках зарплаты, о недостаточности рабочей крестьянской и партийной прослойки, количества во-

влеченных в работу суда женщин и поднятии их квалификации, о недостаточности живого инструктирования низовых органов и преобладании бумажного инструктирования, о недостаточном использовании уездных совещаний, о недостаточности вовлечения женщин в состав нарсудей и малого количества проводимых собраний по поднятию их активности и правовой грамотности, о нерегулярности и малом количестве сделанных отчетных докладов и т. д. и т. п.

При проработке отчетных докладов использовались данные УЖК и ГЖК Верховного, статистические таблицы, ранее даваемые указания по отдельным материалам, при производстве ревизий, в резолюциях по ревизионным совещаниям и по отчетам за предыдущий период времени, в части выполнения предыдущих указаний. После проработки всех поступивших с мест отчетных докладов был поставлен сводный годовой отчет о деятельности губ., обл. и крайсудов и подведомственных им учреждений за 1927 год, со средними цифровыми данными по РСФСР и с выводами и перспективами, который служил как ориентировочный материал для работы в течение отчетного года. Поскольку руководство работой окрсудов было передано крайсудам, то последним 25 января 1928 г. за № 30р2 было разослано инструктивное письмо, в котором дана сравнительная оценка состояния работы крайсудов и дальнейшие указания в отношении разных отраслей судебной и организационно-инструкторской их деятельности.

Производство ревизий. В течение 1928 г. была обрешена деятельность судучреждений: а) Архангельской губернии представителями Верховного и Прокуратуры в мае месяце; б) Казакской республики представителями Верховного, Прокуратуры и Отдела судебного управления в марте месяце; в) Крымской республики представителями Верховного и Прокуратуры в июне месяце и г) Дагестанской республики представителями Верховного, Прокуратуры и Оргинстра.

Объекты ревизии заранее предусматривались планом работ, для ревизии готовились предварительные имеющиеся в НКЮ материалы, а добытые ревизией данные подвергались обсуждению на ревизионных совещаниях и на заседаниях Коллегии НКЮ.

Кроме того, один инспектор п/отдела принимал участие в ревизии НК РКК судучреждений Северного Кавказа и в г. Москве ВАК.

Проведение ревизионных совещаний. На ревизионных совещаниях в течение отчетного года были заслушаны доклады о деятельности судучреждений председателей следующих судов: а) Адыгейского—9 апреля, б) Архангельского—15 мая, в) Астраханского—24 февраля, г) Калужского—29 января, д) Коми—9 июля, е) Орловского—13 марта, ж) Самарского—26 марта, з) Смоленского—21 января, и) Тверского—23 апреля.

Борьба с бюрократизмом и волокитой. На протяжении всего отчетного года и по настоящее время велась борьба с медленностью прохождения вообще дел в судучреждениях как мероприятиями, указанными ранее, так и по отдельным делам и заявлениям, и, в особенности, в случаях выявления бюрократизма и волокиты, допущенных со стороны отдельных судработников. По отдельным заявлениям за отчетный год было дано до 300 указаний, из которых я здесь приведу лишь несколько примеров:

1) уголовное дело по обвинению гр. Шолотова по ст. 1 ч. 116 и 120 продолжалось производством в нарсудах Ив.-вознесенской губернии свыше 2½ лет, при чем таковое передавалось по подсудности из одного в другой участок нарсуда 5 раз, а промежуток времени со дня отложения дела слушанием до назначения его к рассмотрению в отдельных случаях достигали 9 месяцев. Председателю Иваново-вознесенского губсуда т. Циконову поставлено на вид непринятие им мер к наложению дисциплинарного взыскания на лиц, допустивших волокиту по данному делу, вопреку сделанного об этом распоряжения со стороны Верховного.

б) Из просмотра гражданского дела одного из участков г. Нижнего-Новгорода по иску гр. Пряхина о наследстве установлено, что это дело тянулось свыше 1½ лет, будучи при этом рассмотрено в суде 14 раз. В виду того, что эта волокита главным своим источником имела неоднократную отмену гражданско-кассационным отделением правильного решения нарсуда и что

эта волокита не была пресечена врид. Председателя губсуда т. Кулюсовым не только до принесения своего протеста в пленум по этому делу, но и после него, тов. Кулюсову объявлен выговор.

в) При просмотре истребованного из Рязанского губсуда дела по обвинению гр. Прудцева Ф. И. по 2 ч. 115 ст. УК установлено, что это дело продолжалось производством в органах дознания, следствия и в губсуде свыше 3 лет (с 4 дек. 1924 г. по 2 апр. 1928), при чем в суде назначалось слушанием и откладывалось 6 раз, а в седьмой было прекращено производством на основании ст. 8 УК. В судебном заседании 24 февр. 1928 г. под председательством тов. Лодзина было постановлено избрать обвиняемому Прудцеву мерой пресечения содержание под стражей, а в распорядительном заседании 2 апр. 1928 г. под председательством того же Лодзина дело было прекращено производством. За такую недопустимую волокиту и за непринятие мер для устранения ее зам. председателя Рязанского губсуда т. Лодзину объявлен выговор.

г) Прокуратурой при Верховном Суде РСФСР было истребовано дело по иску гр. Кузнецова В. М. к гр. Кузнецову М. И., которое по получении из суда было подшито в наряд в губсуд за 1926 г., а переписка по этому делу совершенно оказалась утерянной, при чем на неоднократные запросы центра из губсуда не было ответа, так как утерявший переписку сотрудник губсуда скрывал и поступающие в губсуд запросы по этому делу. Считаю, что подобного рода волокиты является результатом отсутствия контроля со стороны председателя губсуда над исполнением его распоряжений, председателю Рязанского губсуда т. Гринберг Я. М. указано на непринятие им своевременно мер к устранению этого явления, а техническому сотруднику объявлен выговор.

д) В нарсуде Вологодской губернии дело Бекетовского лесничества тянулось производством 3 года, назначалось к слушанию 5 раз и потом было передано в арбитражную комиссию. Губсуду предложено виновные в этой волоките лицам сделать предупреждение, а также произвести ревизию и при обнаружении случаев волокиты привлечь виновных к ответственности.

е) Нарсуд 1 уч. Рязанбургского уезда решением от 4 дек. 1926 г. отказал в иске Рязанбургскому агентству Госстраха о взыскании с Рязанбургской угормилиции 20 руб., а Рязанский губсуд определением от 17 февр. 1927 г. это решение отменил исключительно по мотивам нарушения подсудности и постановил передать дело в Московскую арбитражную комиссию, по делу все же препроводил не в АК, а в тот же нарсуд, а последний направил это дело по принадлежности только через 1 год и 2 месяца, за что нарсудье Козлову объявлен выговор.

ж) Секретарь нарсуда Грузинского участка гор. Москвы гр. Курбаков два раза увольнялся со службы, при чем его дело прошло ряд инстанций, вплоть до Коллегии НКЮ, где было решено поставить на вид президиуму МГС неправильность его действий, а Курбакову выплатить содержание за прогул за 6 месяцев, вследствие его неосновательного увольнения со службы.

з) Жилищное т-во № 1199 предъявило 18 августа 1927 г. иск о выселении извозпромышленника Гуляевского и о взыскании с него арплаты с ноября 1926 г. Нарсудья Самотечного участка т. Вальтер откладывал дело слушанием 7 раз, и таковое приняло явно затяжной характер до того, что жил. товарищество израсходовало свыше 130 руб. на судношлифы и издержки, ничего не получило. По предписанию Верховного Суду президиуму МГС нарсудье т. Вальтер и секретарю Лидиной объявлен строгий выговор с предупреждением.

и) По иску гр. Клементьевой о взыскании алиментов—дело в судах области Коми тянулось производством с 24 июня 1926 года, при чем было разрешено явно неправильно, даже после двукратного его рассмотрения судом. Предписанием 9 марта п. г. предложено привлечь виновных в этом лиц к уголовной ответственности, а в отношении члена этого суда Клементьева, который являлся ответчиком по делу—поставить вопрос о возможности дальнейшего его пребывания вообще на судебной работе.

к) Трудсессией г. Сталинграда дело гр. Леонтьевой (прачки) о выходном пособии возникло 22 марта 1927 г., два раза отменялось кассационной инстанцией и два раза откладывалось слушанием, но рассмотрено вновь не было. Предложено привлечь виновных в этом лиц к ответственности, а дело рассмотреть.

Как по приведенным выше, так и равно по другим делам за 1928 г. Верховным Судом, а также местами по его предложениям, за бюрократизм и волокиту, проявленную со стороны судработников отстранено от должности 4 человека, объявлен выговор 10 человекам, поставлено на вид и сделано предупреждение 9 человекам и предложено возбудить уголовное преследование в отношении 10 человек, а всего возбуждены преследования и наложены взыскания в отношении 34 судработников.

«Судебная Практика». В начале своего существования Верховный Суд был скуп на опубликование своих определений, кроме лишь официальных разъяснений Пленума. Определения кассколлегии печатались лишь случайно отдельными репортерами или впоследствии еще в «Еженедельнике», но нерегулярно и без системы. Мы это сделали нарочно, чтобы бороться с унаследованным от дореволюционных порядков увлечением судебными «прецедентами». Но уже V Съезд работников юстиции принял постановление, выражающее желание иметь сборники касс. определений Верховного Суда, и мы стали выпускать кроме сборников циркуляров и разъяснений Президиума и Пленума (вышло всего 3 сборника) ежегодно по два сборника определений ГЖК и УЖК. Но близка была мысль издать эти определения систематически и периодически. После некоторой волокиты вышла «Судебная Практика». Первый № издания на 1927 г. объявил свою программу словами:

«Верхсуд РСФСР выпускает первый номер своего двухнедельника «Судебная Практика РСФСР». Цель этого издания—вместо неперидических сборников и разбросанных по разным изданиям судебных решений и определений печатать систематический материал из судебной практики РСФСР, рассчитывая такой способ использования своего судебного материала превратить в лучший и наиболее своевременный способ инструктирования не только всех непосредственно подконтрольных Верховному Суду судебных учреждений, но и оторванных в силу вещей от такого систематического влияния Верховного Суда нарсудов.

Издание это не будет давать статей отдельных авторов, представляющих всегда лишь дискуссионный материал или личные мнения более или менее ответственных судебных работников. Верховный Суд к своим читателям в этом издании будет говорить исключительно официальным голосом: путем решений и определений по общим вопросам или по конкретным делам. Материал будет самого различного типа: от обязательных разъяснений Пленума до более или менее случайных и имеющих по данному делу обязательную силу определений или просто в том или ином отношении интересных решений.

Это является новым типом издания; верную постановку его придется выработать, может-быть, лишь медленно и постепенно».

Через год, в № 1 за 1928 г. пришлось писать: «В программе мы ставили себе широкое задачи превратить наш орган из сухого набора материала в живого инструктора, в особый способ наглядного обучения. Эта цель, конечно, еще далеко не достигнута и лишь слабо намечена. Но она должна быть достигнута. Старые способы инструктирования отжидают свой век; младенческий возраст советского суда, связанный с широким применением методов опеки, проходит. Суд должен научиться самостоятельно решать дела по закону, а в то же время не по трафарету (мертвому шаблону)».

Для отдельных разъяснений мы поставили себе цель, главное внимание сосредоточивать не только на материальном содержании законодательства, но и на методе правильного и рационального решения дел¹⁾.

¹⁾ «ГЖК в своих определениях должна давать суду, по возможности, прямые и конкретные указания на метод практического и быстрого разрешения дела, не ограничиваясь лишь указанием на допущенные судом нарушения». (Разъяснение Пленума. «Судебная практика» 1928 г. № 2, стр. 1).

Третьей новой задачей ставилось «товарищеская вместо начальственной формы обращения».

На третий (1929 г.) год «Судебная практика» выходит, в интересах экономии вследствие объединения Верховсуда с НКЮ, в виде особого приложения «Еженедельника», но от этого содержание и система его не меняется. В вводной статье мы ставили задачей «Суд. практики» стать «зеркалом судебной работы». Указывая на прошедшую местную децентрализацию и на новые задачи самокритики, программная статья (№ 1 на 1929 г.) продолжает:

«При таких условиях особое значение приобретает объединяющий орган. Из инструктивного органа сверху он должен превратиться в коллективный инструктивный орган. Удачные или неудачные шаги, предпринимаемые местными органами, должны стать материалом для взаимной инструктории под единым руководством Верховсуда, которому принадлежит право как утверждения и исправления разъяснений край(обл)судов, так и дача своих разъяснений и указаний общих и специальных».

Судебный способ управления. Но помимо работы по линии Дисциплинарной коллегии и бывшего Отдела судебного управления, мало систематической, ибо только в течение 1928 г. перешедший в Верховсуд в своем старом, необновленном виде, — Верховсуду пришлось вести ту же работу и по судебной линии. Стоит просмотреть «Суд. практику» за 1928 г., чтобы видеть весьма яркие примеры волокиты, вскрытые при разборе отдельных дел. Иногда злоупотребления приходилось обнаруживать, так сказать, между строк, как например:

1. Систематическое участие в качестве торгующихся на публичных торгах суд. исполнителей и иных должностных лиц, или бывших служащих с явно спекулятивными целями, используя свое положение и знакомства («Суд. пр.» 1928 г., № 10, стр. 1).

2. Явно незаконные случаи nepoвoдeния национализации или муниципализации, или, наоборот, применения демунципализации, в каковых случаях предлагалось прокуратуре опротестовать незаконные постановления.

3. Отчуждение земли, скрытое под видом продажи старого дома на слом, чтобы, например, на его месте возвести новый дом на правах застройки, переуступка договора о пользовании с принятием на себя неуплаченной крупной неустойки и т. д.

4. Обход закона о наследстве путем выдачи фиктивного векселя или иного обязательства, даже фиктивного брака.

5. Такой же обход трудовых отношений и т. п.

6. Небрежное отношение финагентов по отношению к делам о взыскании налогов и т. д.

Местные суды не всегда обращают внимание на такие «побочные» обстоятельства, и Верховсуду по своей инициативе приходилось вмешиваться, отменяя решения и приговоры, если нельзя было прямо исправить, или вынося особые указания на замеченные злоупотребления.

Одним из существенных способов такой работы была проработка отдельных, наиболее актуальных категорий, проходящих через кассационные коллегии дел и дача по рассмотрению этих проработок на Президиуме руководящих указаний судам. Так как за прошлый год, в виду большой загрузки текущей работой, кассационные коллегии не имели возможности заниматься проработкой специально для этой цели истребуемых дел губернских и народных судов, а должны были ограничиваться только проработкой, главным образом, кассационных дел, проходивших через коллегии, — эти проработки почти не коснулись дел народных судов. За 1928 г. были проработаны следующие категории дел: квалифицированная кража, превышение и дискредитирование власти, мошенничество и сокрытие объектов обложения, проработка сроков прохождения дел по всем этапам судопроизводства (в связи с борьбой с волокитой), жилищные дела, кабальные сделки и дела о гарантийном страховании.

Проверка исполнения. Одной из основных задач надзора является проверка, действительно ли исполнено данное указание. По судебной линии в этом отношении борьба продолжается с первых дней

существования Верховсуда. Самокритика как бы является самой слабой стороной судебной работы. Преобладает известная склонность не признавать указаний высшей инстанции.

Рядом с чрезмерным увлечением прецедентами кассколлегий, против которой мы боремся все время, идет неподчинение при перерешении дела. Мы не отрицаем права местного суда отстаивать свое мнение, но переписка не должна служить основанием для волокиты и откладывания дела.

Крайне медленный ответ на посланные вопросы или запросы, требующий часто повторного и неоднократного напоминания, является слишком обычным явлением, особенно, если при этом обнаруживаются проступки, даже преступления (напр., растраты взысканных денег), что видно хотя бы из следующего циркуляра Верховсуда от 9/1—28 г. № 3, изданного на основе изучения этого вопроса по добытым данным.

На основании постановления Президиума Верховсуда РСФСР от 3 января 1928 г., Дисциплинарная Коллегия обследовала своевременность выполнения различного рода предложений Верховсуда и усмотрела как из материалов президиума, так и материалов, проходящих через Дисциплинарную коллегию, что иногда местные судебные органы задерживают исполнение предложений Верховсуда в течение года и больше, а на запросы Верховсуда о результатах исполнения часто ограничиваются лишь формальной отпиской.

Об этом свидетельствуют следующие примеры:

В 1926 г. 23 июля за № ОК 211/II Верховсудом направлено заявление гр. Кашина председателю Акмолинского губсуда для проверки. В 1926 г. 24 декабря за № ОК 17/202 Верховсуд запросил Прокурора Казахской АССР о результатах направленного ему редакцией «Крестьянская газета» заявления гр. Щерба. До сего времени эти предложения не исполнены. Предложения прокуратуры и кассационных отделений не всегда выполняются точно и своевременно.

Предложение краевого прокурора Северного Кавказа о принятии срочных мер к проведению в исполнение решения о взыскании в пользу гр-на Куропаткина с Агишпатовского с.-х. кооперативного товарищества прокурором Чеченской области оставлено без исполнения в течение года.

Уголовно-кассационным отделом Ульяновского губсуда от 27 мая 1926 г. был отменен приговор по делу Ваулина по 166 ст. УК и с указаниями был возвращен на судье Базанову для вторичного рассмотрения. Дело вновь находилось в производстве на суде более года и вторично заслушано с теми же нарушениями, которые были ему указаны.

Народные следователи допускают задержку следственных действий по делам, возвращенным судом для доследования. Несмотря на срочность возвращенных к доследованию дел, на следствие 6 уч. Борисоглебского уезда, Тамбовской губернии задерживает исполнение таковых по делу Маркова по 1 ч. 113 ст. УК в течение 4½ месяцев.

Народные судьи задерживают дела слушанием, назначая таковые и откладывая их до 8—10 раз, как это обнаружила ревизия нарсуда 2 р-на Ярославского уезда и губернии.

Нарсуд 1-р на Кимрского уезда, Тверской губернии, имея у себя в производстве дело Башева и др. по 1 ч. 143 ст. УК, в течение 9½ месяцев неоднократно назначал к слушанию дело и откладывал, а после 9½ месяцев направил его в другой район по подсудности, в результате, дабы избавиться от волокиты, потерпевший Гаранин пошел на примирение с подсудимым, и дело было прекращено.

17 января 1927 г. Пленум Верховсуда отменил решение Калужского губсуда по делу устращаксы с гр. Докукиным и др. и дело передал на новое рассмотрение губсуда. Несмотря на то, что Пленум Верховсуда дал ясное указание о том, как нужно решать это дело, и несмотря на неоднократные напоминания, оно до сих пор не рассмотрено.

Дело по обвинению гр-на Пейя по 113 ст. УК (ред. 1922 г.), переданное Пленумом Верховсуда на новое рас-

смотрение 11 февраля 1927 г., также до сего времени не рассмотрено.

Указанные выше факты имеют место, несмотря на категорическое указание Пленума Верховсуда от 11 октября 1927 г. (прот. № 30, п. 3 «Суд. пр.» № 20) о том, что дела, передаваемые Верховсудом на новое рассмотрение, должны решаться в срочном порядке и даже вне очереди.

Обследуя указанный материал и считая подобные факты вопиющей волокитой, недопустимыми и подрывающими в глазах трудового населения авторитет судебных органов, Верховсуд РСФСР предлагает всем краевым, главным, областным и губернским судам принять реальные и срочные меры к изжитию наблюдающейся волокиты и предупреждает, что судебные работники, допустившие несвоевременное исполнение предложений вышестоящих инстанций, а также судебные работники, виновные в несвоевременном рассмотрении дел, переданных им Верховсудом на новое рассмотрение, будут привлекаться к уголовной и дисциплинарной ответственности.

Я беру конкретный пример из переписки с Нижегородским губсудом:

Жалоба Одинцова на медленность исполнения решения, поданная на имя председателя Верховсуда, была направлена председателю Нижгубсуда для принятия соответствующих мер 11 апреля 1927 г.

Вновь поступившее заявление Одинцова направлено предгубсуда 26 октября с просьбой сообщить, какое последовало распоряжение на наше отношение от 11 апреля.

30 декабря вновь предложено губсуду немедленно сообщить, что было предпринято для удовлетворения жалобы Одинцова и лишь 9 января 1928 г. получен ответ о направлении жалобы для выяснения местонахождения исполнительного листа.

7 марта получены от губсуда дополнительные сведения. 14 марта 1928 г. сообщено губсуду, что принято к сведению его сообщение, что губсуд производит расследование по поводу неисполнения своевременно предложений Верховсуда и т. д. И кроме того обращено внимание губсуда на крайнюю медленность исполнения предложений Верховсуда.

24 марта, 19 апреля и 25 апреля поступили от губсуда дополнительные сведения и 4 мая 1928 г. переписка исчерпана.

Перспективы. Передача кассационных функций на места началась с 1 июня 1928 г. и будет закончена, примерно 1 октября 1929 г., т. е. после проведения районирования полностью. В 1928 г. передача эта не могла сильно отразиться на методах и сущности работы кассационных коллегий, так как они должны были окончить рассмотрением уже поступившие дела. Таким образом, переключение работы коллегий началось только с 1929 г. при чем до октября 1929 г., в особенности, в УКК рассмотрение кассационных дел останется все же одним из основных элементов работы. После октября 1929 г. объем кассационной работы УКК резко уменьшится. Поступление дел в первой половине 1929 г. дает основание полагать, что в УКК после октября 1929 г. будет поступать, примерно, 170 кассационных дел и 200 надзорных дел в месяц. Это открывает возможность для УКК сделать основным элементом своей работы плановое истребование отдельных категорий дел с целью детального изучения их и дачи по ним судам основных руководящих установок.

Но эта работа нового типа, безусловно необходимая при крайней децентрализации судебной работы, пока только намечается и целиком уже относится к 1929 г. Вместо прежней трафаретной ревизии в будущем основную роль будут играть выезды ответственных работников Верховсуда на обследование, комбинированное с продолжительным живым участием в работах местных судов. Одновременно можно будет ставить выездные сессии Верховсуда, как первой инстанции, для чего, по нашей системе, приходится выехать одному лишь председателю, так как народные заседатели утверждаются Президиумом ВЦИК из местных трудящихся. Систематические обследования отдельных родов преступлений в будущем должны дать определенные выводы о причинах этих явлений и о «социалистической рационализации» борьбы с ними. Это своего рода марксистская научно-судебная работа, для которой уже недостаточно узкого правового горизонта закона. Если к этому прибавить еще наблюдение за опытной постановкою новых судебных учреждений и новых методов их работы, как они вводятся НКЮ, начиная с 1928 г., то будет понятно громадное расстояние, какое отделяет нас в 1929 г. от исходного момента Верховсуда в 1923 г.

Постановление Коллегии НКЮ РСФСР по докладу о работе Верховного суда РСФСР за 1928 год.

«Заслушав доклад т. Стучка о работе Верховсуда РСФСР за 1928 г., Коллегия НКЮ, признавая линию, проводимую Верховсудом в своей работе правильной, отмечает:

а) что поскольку проведение классовой линии в судебной политике имеет особо важное значение в переживаемый момент обострения классовой борьбы, особенно в деревне по делам с кулачеством, против торговли землей и в защите интересов батраков и бедняков, Верховсуд правильно проводил четкий классовый подход, как в своей работе, так и в работе всех местных судов, проводя в судебной практике гибкий подход в применении гражданского права в смысле приспособления его к условиям социалистического строительства;

б) что стремясь к проведению уголовно-судебной политики в смысле жесткого подхода к категории подсудимых из классовых противников и особенно социально-опасных элементов, Верховсуд применял для лиц, нарушающих советскую, общественную дисциплину, а также и по преступлениям бытового характера, иные, кроме лишения свободы, более рациональные ме-

ры социальной защиты. Однако, одновременно с этим считает необходимым отметить, что вместе с правильным стремлением исправления ошибок судов первой инстанции Верховсуд недостаточно боролся против увлечения математикой изменения сроков лишения свободы в сторону механической замены назначенных коротких сроков лишения свободы только принудительными работами, игнорируя при этом другие меры социальной защиты.

Исходя из изменившихся условий работы Верховсуда, Коллегия НКЮ одобряет новые задачи, намеченные Верховсудом, и считает необходимым предложить следующее:

1) Объединить оперативную работу в судебном надзоре со школой правильного технического и правового подхода для местных судов, для чего в своих определениях по конкретным делам Верховсуд должен указывать не только на ошибки и неправильности, допущенные судами, но и на способы их устранения. Приговоры и решения судов должны быть написаны простым и ясным языком без сухих и формальных ссылок только на статьи законов.

2) Достигнуть дальнейшего сближения Верховсуда с местными судами путем живого инструктажа и практического участия членов Верховсуда в работе местных судов через ревизии, целевые обследования и в судебных заседаниях, а равно привлечения местных судебных работников (председателей и заместителей председателей судов) в состав кассационных коллегий Верховсуда.

3) Усилить плановое истребование и изучение дел нарсудов, как по предметным, так и по территориальным признакам для осуществления руководства и инструктирования судебной работы, в целях обеспечения единства линии судебной практики, стараясь при разработке общих вопросов, в порядке рассмотрения целых категорий дел, подходить не столько со стороны технической и формальной законности, сколько с бытовой и экономической.

4) Добиться того, чтобы суды чутко относились к указаниям печати, отмечающей те или иные дефекты в работе судебных органов, развив в наибольшей степени самокритику внутри коллегий Верховсуда для выявления собственных ошибок или промахов путем самопротестования, особых мнений и т. п., стимулируя в то же время развитие не только самокритики каждой судебной ячейки, но и критики судебной работы вышних и низших по отношению к этой ячейке судебных инстанций, однако, не ослабляя при этом дисциплины в смысле быстрого и аккуратного выполнения всеми органами юстиции обязательных для них указаний вышних инстанций.

5) Усилить борьбу с волокитой и недопустимой задержкой дел в судебных инстанциях, а также дальнейшее максимальное упрощение порядка прохождения гражданских и уголовных дел и исполнение приговоров и решений по ним.

Предложить Верховсуду в случаях волокиты, уклонения от ответов и всяких других нарушений служебной дисциплины со стороны местных судебных работников не ограничиваться простыми напоминаниями, а чаще применять действительные меры воздействия в отношении указанных работников.

6) Усилить и улучшить проверку исполнения со стороны местных судов определений, решений и разъяснений Верховсуда.

7) Констатировать, что в 1928 году имели место случаи медленного прохождения дел в УКС Верховсуда, вызванные в значительной степени перегрузкой коллегий делами, предложив во избежание подобных явлений увеличить нагрузку всех членов Верховсуда.

8) Продолжая борьбу за внедрение революционной законности, предложить как Верховсуду, так и местным судебным органам осуществлять последнюю, не ограничиваясь непосредственной судебной работой, но и путем вынесения частных определений с указанием на нарушение революционной законности, сообщая о случаях искривления революционной законности в соответствующие инстанции, как для наложения взыскания, так и для принятия надлежащих мер.

9) Признать необходимым, чтобы суды в своей работе были более тесно связаны с организованной советской общественностью и принимали активное участие в работе административно-правовых секций советов, отчитываясь перед трудящимися в своей работе.

10) Отмечая совершенно недостаточное участие судебных работников в организации и работе по оказанию юридической помощи населению, признать не-

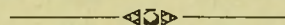
обходимым, чтобы Верховсуд добился максимального выполнения местными судами директив Верховсуда по данному вопросу и чтобы местные судебные работники принимали действительное участие в руководстве этой работой.

11) Признавая неудовлетворительной постановку работы с нарзаседателями и слабое участие в ней судебных работников, считать необходимым поставить эту работу так, чтобы нарзаседатели были организованы в каждом участке вокруг участкового народного судьи и работали под руководством последнего с привлечением к этой работе всех остальных судебно-прокурорских работников.

12) Признавая недостаточным усвоение и проведение судами директив о поднятии трудовой дисциплины, предложить Верховсуду затребовать в плановом порядке трудовые дела из местных судов для изучения и разработки директивных писем последним, а также разработать мероприятия по систематическому надзору за прохождением дел о трудовых конфликтах.

13) Признавая недостаточным развертывание работы товарищеских судов и примирительных камер и слабое руководство судами этой работой, предложить Верховсуду добиться, чтобы местные суды выделили лучших работников для работы на фабриках и заводах по руководству деятельностью товарищеских судов, отнюдь не внося в последние элементов формализма и шаблона, наблюдая в то же время, чтобы товарищеские суды не усваивали себе бюрократических навыков.

14) Отмечая совершенно неудовлетворительную постановку дела исполнения судебных решений, предложить Верховсуду на основе изучения этого вопроса принять меры к максимальному улучшению, ускорению и упрощению исполнения судебных решений, особо проработав вопрос о порядке производства торгов.



Работники юстиции перед лицом чистки советского аппарата и собственных рядов.

(Практические заметки).

Согласно постановлению XVI конференции ВКП(б), к числу учреждений, среди которых, как непосредственно связанных с трудящимися массами, в первую очередь проводится чистка, отнесены судебные органы.

В настоящее время началась и идет полным темпом чистка центрального аппарата НКЮ, на местах кое-где чистка уже закончена, в большинстве же мест к ней только приступают.

Распространяться об общем значении чистки не приходится. Она ясна для всякого, кто читал резолюции XVI Партийной конференции. Правильное проведение чистки—одна из предпосылок осуществления пятилетнего плана великих работ по социалистическому переустройству страны.

Имеются ясные директивы и инструкции, кого следует чистить из аппарата и как чистка должна проводиться. Не келейно, а гласно должна происходить чистка, и в ней деятельное участие должны принять широкие массы рабочих и служащих. Никим образом

не должна оставаться в стороне и масса работников органов НКЮ. Вся масса работников юстиции должна содействовать тому, чтобы чистка органов юстиции в полной мере достигла тех результатов, которые имеет в виду чистка госаппарата—вообще и аппарата юстиции—в частности.

Основная масса работников органов юстиции должна оказать максимальное содействие тому, чтобы в результате чистки личный состав аппарата юстиции улучшился, чтобы ни один открытый или скрытый вредитель социалистического строительства не остался в наших рядах.

Судебно-следственный и прокурорский аппарат, как и весь госаппарат, в результате чистки должен быть освобожден от тех элементов, о которых говорится в резолюции XVI Конференции,—от элементов, разложившихся, извращающих советские законы, срачивающихся с кулаком и напманом, мешающих бороться с волокитой и ее прикрывающих, высокомерно, по-чиновничьи, по-бюрократически относящихся к насущным нуждам трудящихся, от растратчиков, взяточников, саботажников, вредителей, лентяев.

Если такого рода элементы нетерпимы в любом советском учреждении, то вдвойне они нетерпимы в органах НКЮ, обслуживающих широкие массы и долженствующих быть одним из отточенных орудий, одной из крепостей пролетарской диктатуры в борьбе с классовым врагом.

Не забрался ли в нашу крепость вредитель? Не прикрывается ли он за учеными фразами о социалистическом строительстве, о наступлении на классового врага для того, чтобы на деле своим бюрократизмом, волокитой, чванством, подхалимством, разгильдяйством сознательно или бессознательно мешать движению вперед?

В перспективе грядущих классовых боев, где осядет он, по какую сторону баррикад, судя по его быту, окружению, судя по качеству, инициативе его работы, судя, словом, не по фразам, а по делам его?

Опаснейший враг—это враг, выступающий под личиною друга. Нет ли у нас среди работников юстиции таких сомнительных друзей, которые при первом же историческом испытании окажутся «реальными политиками» и... реальными предателями? Нет ли в наших рядах возможного погромщика-антисемита?

Повседневные факты доказывают, что отрицательный ответ на все эти вопросы был бы непростительным замазыванием действительного положения вещей.

Факты волокиты, бюрократизма в работе суда и прокуратуры еще, к сожалению, достаточно часты, ими еще пестрят страницы нашей печати. Материалы вскрытых гипотез и нарывов, в свою очередь, подкрепляют вывод о том, что с личным составом органов юстиции не всюду обстоит благополучно, что, следовательно, объекты для чистки имеются.

Так же, как по отношению ко всей массе работников госаппарата, так и в частности, и ко всей массе работников юстиции, чистка отнюдь не означает выражения огульного недоверия—тем больше оснований ожидать активнейшего содействия самой массы работников юстиции правильному проведению чистки.

Кто же, как ни сама же масса работников юстиции может лучше помочь выявлению конкретных вредителей всевозможных мастей в собственных рядах?

А с другой стороны, необходимо решительно содействовать тому, чтобы была полнейшая объективность, чтобы ни один добросовестный работник не был уволен в порядке чистки. Беспощадный отпор нужно дать тем, кто пытался бы чистку превратить в арену подсиживания, сведения личных счетов и симпатий.

К чистке аппарата юстиции должен быть привлечен широкий актив массовых организаций рабочих и трудящихся, которые соприкасаются с работой суда и прокуратуры. Параллельно чистке должна идти работа по замене вычищенных новыми кадрами судей, следователей, прокуроров, секретарей и т. п., выросшими на фабриках, заводах, на низовой советской работе.

И здесь руководители местных органов суда и прокуратуры никоим образом не могут стоять в стороне, взваливая всю тяжесть этой работы по выдвиженчеству на партийные и профессиональные организации. И по линии выдвижения может и должна быть проявлена максимальная инициатива и должна быть проведена настойчивая работа. Надо изучить наличные кадры, резервы общественных обвинителей, народных заседателей, членов адм.-правовых секций и т. д. под углом зрения немедленного отбора тех, кто может быть выдвинут на работу в аппарате юстиции взамен вычищенных. Наступило время провести в жизнь директивы XVI Партийной конференции, согласно которым необходимо: «Особо тщательно поставить подбор выдвиженцев с целью выделения в советский аппарат рабочих, действительно готовых и способных бороться с бюрократизмом, привлекать широкие рабочие массы к самому активному участию в этом подборе (наметка кандидатов на выдвижение на рабочих собраниях и т. п.), отбирая выдвиженцев не на «работу вообще», а для конкретной заранее определенной работы, при чем окончательное решение вопроса о приемлемости того или иного выдвиженца для работы в том или ином учреждении принадлежит руководителю учреждения или предприятия. Организовать повсеместно подготовку (по возможности, предварительную) выдвиженцев и их обучение в соответствии с возлагаемой на них работой, вместе с тем, обеспечив работающих выдвиженцам возможность дальнейшего повышения их теоретической и практической квалификации.

Необходимо строжайшее наблюдение за тем, чтобы создать в аппарате благоприятные условия для работы выдвиженцев.

Но участие в чистке должно идти не только по линии содействия освобождению аппарата самих органов юстиции от негодных элементов, но и по линии содействия чистке других органов. Богатейшие материалы для этого дают уголовные и гражданские дела, жалобы, обследования и т. п. Из архивов судов и прокуратуры (не говоря уже о материалах текущей работы) нелишне извлечь наиболее ценное, что может оказаться существенно полезным при чистке других учреждений.

Не случайно в комиссии по руководству чисткой как в центре, так и на местах введены представители прокуратуры. Это дает возможность более полно использовать в целях чистки материалы прокурорской и судебно-следственной практики.

Наконец, чистка не может и не должна пройти мимо тех или иных недостатков существующей системы и методов работы прокуратуры, суда, следова-

телей и иных органов юстиции. С особой наглядностью это сказалось в самом начале чистки в центральном аппарате НКЮ: выявление больших и малых недочетов в структуре, системе и методах работы заняло выдающееся место в прениях и выступлениях, имевших место на собраниях, посвященных чистке. Не может быть сомнения в том, что много такого рода отрицательных моментов имеется в структуре, системе и методах работы органов юстиции и на местах.

Задача в том, чтобы содействовать прежде всего смелому выявлению их. Надо полагать, часть их удастся устранить непосредственно в процессе и в результате чистки. А если в отношении другой части недостатков в результате чистки удастся только поставить четко проблемы (без немедленного их разрешения), то ведь и это само по себе будет немалым достижением.

Работники юстиции центрального аппарата и мест должны раскаться, только при этих условиях чистка даст нам нужные результаты.

И. Наумов.



Прокуратура в социалистическом соревновании.

Перед прокуратурой стоит большая и ответственная задача: добиться такой четкости и продуктивности в своей работе, при которой она (прокуратура) сумеет полностью удовлетворить повышенные требования, предъявляемые к ней в связи с социалистической реконструкцией хозяйства нашей страны. По опыту хозяйственных учреждений и предприятий, можно с уверенностью сказать, что социалистическое соревнование—одно из лучших средств для достижения указанной цели. Как же должно проходить социалистическое соревнование в органах прокуратуры? Попробуем вкратце ответить на этот вопрос. Улучшение работы прокуратуры должно идти по двум направлениям: а) закрепления связи с широкими массами пролетариата, беднейшего и середняцкого крестьянства; б) качественного улучшения работы аппарата. В этих направлениях и надлежит развернуть социалистическое соревнование. Закрепление связи с трудовыми массами является основным вопросом прокурорской работы. Показателем ее служит прежде всего общественно-просветительная работа, выполняемая органами прокурорского надзора в полном порядке. Нельзя механически подходить к этой работе и, основываясь на цифрах докладов, выездов на места и пр., говорить о достаточности или недостаточности связи с трудовыми массами. Надо всегда учитывать те объективные условия, в которых работает данная прокурорская камера (размеры обслуживаемого учета). Вообще основным мерилом продуктивности общественно-просветительной работы прокурора, позволяющим судить о реальности его связи с массами, являются не цифры докладов, а конкретные результаты работы. Возьмем к примеру весеннюю посевную кампанию. Директивы Народного Комиссариата Юстиции предписывают органам прокуратуры самое активное и непосредственное участие в этой кампании. Говорят ли голые цифры докладов, выездов на места, участия в заседаниях низовых организаций о том, что прокуратура выполнила задание НКЮ? В очень недостаточной степени. Другое дело, если в результате работы прокурора по-

следовали те или иные положительные мероприятия, способствующие подъему сельского хозяйства, например, решение приобрести усовершенствованную машину, вспахать пустующий участок. Эти мероприятия—фактор большой принципиальной и практической важности, именно они должны послужить исходным пунктом при социалистическом соревновании, в области общественно-просветительной работы прокурора. Далее при социалистическом соревновании надо уделить должное внимание проверке работы прокуратуры широкими массами. Эта задача может быть выражена в договоре социалистического соревнования следующим образом: 20—25% всего населения района или участка, обслуживаемого данной камерой, должно быть вовлечено в проработку вопроса о недостатках или достижениях работы прокуратуры (речь идет о сельской местности). Сто процентов указаний и предложений, выдвигаемых в процессе проработки, должны подвергнуться тщательному изучению прокурорами и по возможности проводиться в жизнь. Задачи самокритики, непосредственного общения прокурора с массами (в форме которого мыслится осуществление этого условия), наконец, борьба со всякого рода бюрократическими извращениями получит в данном случае наиболее полное отражение.

Другой вид общественно-просветительной работы—это работа с общественными обвинителями. При социалистическом соревновании в отношении работы с общественными обвинителями могут быть предусмотрены, примерно, следующие условия: обязаться ознакомить общественных обвинителей с основными положениями права и процесса, добиться для каждого из общественных обвинителей не менее двух выступлений в суде.

Переходим теперь к другой области, выдвигаемой в качестве объекта соревнования—области улучшения работы аппарата. Данная задача должна выполняться путем: а) улучшения руководства техническим персоналом, б) усиления самостоятельности технического персонала. Улучшение руководства проводится по линии: а) проверки исполнения работы техническими сотрудниками, б) усиления деловой саямки между администратором и подчиненным. Проверка исполнения предусмотрена календарным планом работы прокурора. При социалистическом соревновании необходимо максимально увеличить количество таких проверок, добиваясь примерно одной проверки в месяц. Это является наиболее радикальным средством борьбы с расхлябанностью и волокитой, нередко встречающейся в аппарате. В отношении деловой саямки администрации с аппаратом надлежит добиваться частых созывов технических совещаний. Техническое совещание—наиболее реальная форма внутриаппаратной демократии, позволяющая совместными усилиями администрации и технического состава разрешать различные вопросы, связанные с рационализацией техники работы. По этим вопросам в договоре социалистического соревнования можно выдвинуть следующие условия: упрощение делопроизводства, уменьшение канцелярских расходов и т. д. Здесь мы перекидываем мост между вопросами улучшения руководства и вопросами усиления самостоятельности низших сотрудников аппарата, направленной к подъему работы аппарата. Основной формой такой самостоятельности является экономработа, поэтому экономработа должна стать в центре нашего внимания при социалистическом со-

ревновании; необходимой предпосылкой успешности экономработы является тесное сотрудничество в ней технического персонала и администрации. Соответственно этому можно выдвинуть следующие условия соревнования: а) все области работы прокуратуры подвергаются последовательному обсуждению экономсоветов и экономкомиссии; б) ни одно экономсовещание не обходится без представителя администрации; в) ни одно деловое предложение экономкомиссии и экономсовещания не оставляется администрацией без внимания.

Выше затрагивался вскользь вопрос о волоките. Мы думаем, что борьба с волокитой должна быть поставлена особым пунктом договора. Конкретно можно в договор внести следующие условия: 1) по жалобам, расследуемым на территории расположения прокурорской камеры (в сельской местности), полностью отказаться от бумажного делопроизводства, заменяя его личным общением, телефонными переговорами и т. п. 2) Ограничить срок прохождения этих жалоб 1—2 днями (учитывая среднюю нагрузку камеры в сельской местности). 3) Для прочих жалоб добиться просмотра их и принятия соответствующих мер в 3-х дневный срок. 4) Для уголовных, гражданских и земельных дел, затребованных в порядке надзора, добиться завершения надзорного производства в 2-недельный срок, для трудовых — в недельный.

Этим мы заканчиваем перечень вопросов, по которым можно произвести социалистическое соревнование, с целью действительного улучшения работы прокурорских камер.

О. Гречигов.

Подойное-Поле.



Упрощение гражданского процесса ¹⁾.

IV. Вопросы надзорного производства.

В области надзора мы имеем наизаконнейшую волокиту, освященный законом волокитный порядок. Недаром за последнее время мы все чаще и чаще встречаем на страницах печати, упреки по адресу надзирающих инстанций. Посмотрим же, как построен надзор, сначала по линии прокуратуры. Возьмем дела нарсудов, которые составляют основную массу дел, рассматриваемых в наших судах вообще; их имеет право требовать участковый прокурор. Его решение, как положительное, так и отрицательное не является окончательным. Для опротестования в пленум окрсуда он обязан дело направить окрпрокурору, от которого и зависит принесение протеста. Если же участковый прокурор отказал просителю, то само собой понятно, что окрпрокурору может быть принесена жалоба на этот отказ. Дальше идет следующая лестница: на действия окрпрокурора можно жаловаться край (обл) прокурору, а до сих пор и Прокурору Республики. Таким образом, один вопрос, одно дело могут рассматривать четыре надзирающие инстанции, которые имеют право рассматривать жалобы и истребовать дела; кроме того, по закону право надзора принадлежит и председателю суда, следовательно председателю окр-, край- и Верхсуда, тоже три инстанции. Правда, эти права с середины 1928 г. урезаны циркуляром НКЮ, запретившим председателям окр- и крайсудов принимать жа-

лобы от гр.гр., и их право таким образом ограничено только истребованием дела в порядке ревизионного обследования. Не останавливаясь сейчас на вопросе о том, кто по существу должен осуществлять надзор за судами, прокурор или председатель вышестоящего суда, целиком и полностью отвечающий за работу руководимых им судов, надо все же признать, что циркуляр НКЮ попытался внести ясность в этот вопрос.

Но, посмотрим, что мы имеем в другой части двуединого надзорного процесса, а именно, в части инстанций, имеющих право пересматривать дело в порядке надзора. Здесь мы имеем следующее. Пленум окрсуда, ГKK край (обл.) суда, пленум край- (обл.) суда, ГKK Верхсуда и президиум Верхсуда. Таким образом, существует вполне легально 5 инстанций для надзорного рассмотрения любого дела нарсуда. Надо прямо сказать, что это какая-то дикая история. Нормальных у нас две инстанции (суд 1-й инстанции и так называемая кассинстанция), а вот после этого для надзора 5 инстанций. Как же можно после всего этого говорить об устойчивости решения и быстроте процесса?

Совершенно очевидно, что дальше идти некуда. Надо положить конец такому порядку, который создает «законную волокиту». Прежде, чем говорить о каких-нибудь конкретных предложениях, необходимо поставить принципиальный вопрос о существе и задачах надзорной инстанции. Необходимо раз и навсегда установить, что надзорный порядок не должен себе ставить задачи исправить ошибки всех судов республики. Эта задача совершенно непосильная и вряд ли необходимая. В наших судах рассматривается ежегодно несколько миллионов гражданских дел, и было бы совершенной утопией ставить себе задачу исправлять все неправильные решения, выносимые судами по этим делам. Для этого вполне достаточно правильная работа кассационной инстанции, рассматривающей не только отдельные дела по жалобам, но и целые категории дел в плановом порядке. Какова же задача надзорной инстанции? Ее задача должна заключаться в том, чтобы исправить те ошибки судов, которые искажают линию судебной политики в гражданских делах, или когда по тому или иному вопросу или категории дел необходимо дать принципиальную установку для судов. Эта задача окажется выполнимой только тогда, когда эта инстанция будет достаточно авторитетна, квалифицирована и когда она будет выносить свои решения на основе опыта не только данной местности, а всех судов республики и проводить при этом руководящие директивы партии и правительства. Может ли быть такой инстанцией пленум окрсуда, нет, ею не может быть даже и пленум крайсуда. Эту задачу может и должен осуществлять только Верхсуд. И здесь же необходимо сразу отвести два основных возражения критиков такой постановки вопроса. Первое возражение, несомненно, мол, Верхсуду заниматься мелкими делами нарсуда. Это возражение не заслуживает внимания потому, что подсудность нарсуда расширяется, и сейчас ставится вопрос о передаче нарсуду всех гражданских дел, а главное забывают, что надзорный порядок должен быть исключительным порядком и к нему следует прибегать только тогда, когда необходимо решить принципиальный вопрос или когда неправильным решением нарушены интересы государства и трудящихся масс в широком смысле этого понятия. Это может быть достигнуто только в

¹⁾ См. № 26 «ЕСЮ».

том случае, когда надзор будет действительно исключительным порядком, сосредоточенным в Верховном суде.

Второе более серьезное возражение это то, что при нынешней тенденции к все большему расширению прав местных органов власти и с организацией краевых (обл) судов такая централизация надзора неправомерна.

Прежде всего надо установить, что вопрос о разграничении между местами и центром должен свестись к следующей формуле: «Максимум власти на местах, но максимум руководства в центре». С этой точки зрения следует признать совершенно правильным передачу кассационных функций край (обл) судам, но надзор—это вопрос руководства, только так надо его рассматривать, иначе он может превратиться в нормальную инстанцию. С этой точки зрения он должен быть сосредоточен в том органе, который призван руководить, а именно, в Верховном суде. Только такая постановка вопроса, предложенная Коллегией НК РКК, является принципиально выдержанной и может уничтожить ту, с позволения сказать, вакханалию, которую мы имеем в этом вопросе и ту почву, которая создает волокиту. Другого решения этого вопроса не может быть.

Следует, кроме того, иметь в виду, что с изменением редакции 254 ст. ГПК в августе 1927 г., предоставившей надзорные права губ(окр)судам и с передачей кассационных функций край (обл) судам (а надзорные они сами себе присвоили) количество дел, поступающих на рассмотрение Верховного суда, не только не уменьшилось, а увеличилось. Только по протестам прокуратуры Верховным судом было рассмотрено в 1927 г. 648 дел, в 1928 г.—1.292 дела, а за 5 месяцев 1929 года—512 дел—и это несмотря на издание НКЮ ряда циркуляров о самом жестком подходе при применении ст. 254 ГПК. Все это убеждает в необходимости концентрации надзора в Верховном суде. Наконец, следует отметить, что на совещании председателей обл- (край-) судов, имевшем место после VI съезда деятелей юстиции при президиуме Верховного суда, было единодушно признано, что обл (край) суды просто не в состоянии справиться с надзором по гражданским делам и что поэтому он должен быть передан исключительно Верховному суду.

Что касается вопроса о том, кто должен иметь право истребования дела и внесения протеста, то, не останавливаясь специально на этом вопросе, следует, однако, заметить, что во избежание множественности инстанций, следует это право предоставить местным прокурорам и председателям краевых (обл) судов и непосредственно в Верховный суд, но ограничив их сроком в 3 и 6 месяцев. Право протеста Центральной Прокуратуры и Председателем Верховного суда не может быть ограничено временем.

Еще несколько слов о другом порядке пересмотра дел,—это по 251 ст. ГПК. По основаниям, предусмотренным в этой статье ГПК, право пересмотра принадлежит исключительно Верховному суду. Есть ли в этом необходимость?

Безусловно нет. Такой порядок можно еще оправдать в отношении пересмотра дел по п. «а» ст. 251 ГПК, т.е. по вновь открывшимся обстоятельствам, поскольку здесь необходимо проводить принципиальную линию, разграничивающую новые обстоятельства от новых доказательств, чтобы, благодаря не совсем точному определению «новых обстоятельств», не пересматривались дела совершенно по другим поводам. Но существующий порядок ни в коем случае нельзя

оправдать, когда дело пересматривается по основаниям, предусмотренным в п.п. «б» и «в» ст. 251 ГПК. В самом деле, основаниями для пересмотра дела в этих случаях является вошедший в законную силу приговор суда или законное постановление другого учреждения. Почему, спрашивается, вопрос о пересмотре дела в этих случаях должен решать Верховный суд? В 99% случаев вопрос решается «механически». Поэтому представляется безусловно целесообразным, чтобы решение этого вопроса было предоставлено тому суду, который вынес решение по делу.

Против этого спорить принципиально нельзя, а упрощение большое.

Что же касается пункта «а» ст. 251 ГПК, то решение вопроса о пересмотре дела по этим основаниям следует оставить за Верховным судом, однако с тем, что заявление подается в суд, рассматривавший дело. Последний, не входя в обсуждение существа заявления, вместе с делом направляет его в Верховный суд. Нынешний же порядок, когда заявление подается непосредственно в Верховный суд, создает только излишнюю необходимость посылать бумажку о высылке дела, без которого решить вопрос о новых обстоятельствах не представляется возможным.

Закапывая свои соображения по вопросу об упрощении гражданского процесса, я хотел бы отметить, что они не претендуют на то, чтобы исчерпать все вопросы, связанные с этой довольно сложной, но крайне назревшей проблемой. Я усиленно старался поставить на обсуждение основные вопросы, разрешить которые необходимо в ближайшее же время.

Необходимо, чтобы т.т., повседневно сталкивающиеся с вопросами гражданского процесса, поделились своими соображениями на страницах нашего журнала не только по затронутым мною вопросам, но и по всем тем вопросам, которые, по их мнению, могут способствовать упрощению процесса. Это даст нам возможность не только улучшить ныне действующий процесс, но в ближайшее же время приступить к переработке всего нашего ГПК, чтобы коллективным трудом создать такой процесс, который максимально способствовал бы основной задаче—быстрому и правильному разрешению дела по существу и был бы понятен не только судьям из рабочих и крестьян, но и всем трудящимся, вынужденным обращаться в суд.

Москва.

С. Абрамов.



Как можно упростить исполнительное производство.

Работа судебных исполнителей благодаря своей медленности вызывает большие нарекания. Недостаточность штата, большая загрузка и до некоторой степени текучесть личного состава способствуют тому, что судебные решения приводятся в исполнение спустя значительный промежуток времени после их вынесения.

Если в народных судах, благодаря частичной рационализации делопроизводства, достигнуто некоторое ускорение прохождения судебных дел, то работа судебных исполнителей является в этом отношении нетронутой целиной.

Те меры, которые применяются в отдельных округах как-то: разгрузка особо запущенных участков, ко-

ично, не являются выходом из положения и создают в этом отношении лишь временную видимость благополучия.

Здесь нужна коренная рационализация, максимальное упрощение делопроизводства, освобождение судебных исполнителей от излишней писанины и частичная их разгрузка от группы дел. На этот последний пункт мы считаем нужным обратить внимание НКЮ и читателей.

В производстве каждого судебного исполнителя имеется порядочное количество дел, по которым взыскания обращаются на жалованье должника. Такие дела нужно совершенно изъять из их ведения, т. к. здесь работа судебного исполнителя сводится к совершенно ненужному переводу бумаги, непроизводительной затрате времени, а при массовой перегрузке участков и к удлинению процесса взысканий.

Все действия судебного исполнителя по такого рода делам сводятся к посылке должнику повестки об исполнении, запросе учреждения о состоянии должника на службе и наложении ареста на его жалованье.

Требуется ли выполнение указанной формальности при обращении взыскания на жалованье? Ответ на поставленный вопрос может быть только отрицательным и остается лишь удивляться, что мы до сих пор не обратили должного внимания на никчемность выполнения этих никому ненужных формальностей.

Должник прекрасно знает, за что взыскатель ищет с него определенную сумму денег. Если дело разбиралось в судебном порядке, то у него была возможность присутствовать при его разборе, делать свои возражения, а может быть он даже и касировал решение. При взыскании по исполнительной надписи должнику также известно о выдаче им взыскателю беспорочного обязательства, повестка же нотариальной конторы напомнила ему о наступлении момента исполнения по выданному обязательству. Нужна ли при наличии этих обстоятельств посылка еще должнику повестки об исполнении с извещением, что через несколько дней, если он за это время не заплатит следующей с него суммы, будет приступлено к принудительному взысканию последней. Безусловно не нужно, т. к. должник, уклоняющийся от платежа, заблаговременно уже подсчитал, в каком размере учреждение будет производить удержания из его жалованья.

Обращаясь к судебному исполнителю, взыскатель, обычно, знает, где служит должник, какую занимает должность, сколько получает жалованья и в какие сроки оно ему выдается. Следовательно, получение судебным исполнителем от учреждения этих же сведений официальным путем лишь только усложняет и задерживает процесс взыскания.

По такого рода делам необходимо предоставить взыскателю право непосредственного обращения в учреждение, где служит должник с исполнительным листом или исполнительной надписью, для взыскания присужденной в его пользу суммы. Исключение в этом отношении может быть допущено лишь при службе должника у частных лиц или организаций, где возможно уклонение со стороны нанимателя от принятия от взыскателя документов на взыскание. Во всех остальных случаях посредничество судебного исполнителя, как совершенно излишнее, должно быть упразднено.

Нам думается, что предложенное мероприятие задержит рост судисполнительских участков, уменьшит

нагрузку исполнителей, даст возможность последним сосредоточить свое внимание на делах, действительно требующих их вмешательства, и ускорит темп исполнительного производства.

Самара.

А. Чередеев.

Давностные сроки по жилищным спорам.

Вопросы жилищного найма регулируются ГК и постановлением, изданными в его развитие.

Большим недостатком всех этих норм является отсутствие специальных давностных сроков. Как правило, к жилищным спорам должен применяться общий трехлетний давностный срок.

Такое положение явно не соответствует ни хозяйственному назначению договора жилищного найма, ни тем более интересам широких рабочих масс.

Покажем это несоответствие на примере. Жилец выселен из муниципализированного дома на время капитального ремонта. Комнату его домоуправление отремонтировало в срок, установленный судом. С момента окончания ремонта, согласно судебному решению, у жильца существует право в любое время вернуться обратно в свою комнату в течение 3 лет.

Но целесообразен ли такой большой срок? Конечно, нет. Комната пустует, а домоуправление не имеет права ее заселить.

По одному из таких дел ГКК Верховсуда указала, что применение в аналогичных случаях общей давности нецелесообразно. Однако, ГКК полностью этого вопроса не разрешила, а именно не установила, хотя бы примерно, давностного срока для обратного вселения после производства капитального ремонта. Предоставить право устанавливать такие сроки исключительно суду, рассматривающему подобные дела, также едва ли целесообразно. По нашему мнению в законе необходимо установить для обратного вселения после капитального ремонта очень короткий срок, не свыше 2 недель со дня уведомления паймодателя об окончании ремонта. Такой сокращенный срок исключает возможность неиспользования жилой площади.

Не менее важен вопрос и о давностных сроках для взыскания квартплаты за «старое» время.

В настоящее время перерасчеты по квартплате и взыскание последней формально допустимо в течение 3 лет. Это, во-первых, расстраивает домовый бюджет, когда иски предъявляются трудящимися к домоуправлению, во-вторых, ставит в чрезвычайно тяжелое положение трудящихся, имеющих небольшой заработок, но обязанных, по судебному решению, внести дополнительную или полностью квартплату за очень большой срок и, в-третьих, не побуждает домоуправления принимать меры для взыскания задолженности по квартплате или установления правильности ее.

Вот пример этого ненормального явления. Технический служащий больницы, по профессии узельщик, живет с 1927 г. при больнице.

Квартплата за не вносит только потому, что считает, что ему помещение предоставлено бесплатно, как служащему б-цы. Администрация никаких претензий до февраля месяца 1929 г. к нему не заявляла.

Но достаточно было служащему получить по судебному решению за сверхурочную работу, как адми-

министрация решила ему «отомстить». Предъявляется в суде иск о взыскании с него квартплаты. На суде администрация доказала, что бесплатного помещения ответчику не полагается. Иск о квартплате за два года судом был удовлетворен. В результате—небольшой бюджет служащего расстроен на долгое время исключительно благодаря халатности администрации. Но бывает, что недобросовестно уклоняются от действительных платежей квартплаты и рабочие. Вот пример: рабочий, имеющий заработок в 300 руб. в месяц, живет фактическим браком со служащей, получающей 30 руб. в месяц. Квартплату они вносили пропорционально занимаемой ими площади, в соответствии со своей ставкой, тщательно скрывая от домоуправления фактические брачные отношения.

Через год домоуправление это обстоятельство устанавливает и предъявляет иск в суде о перерасчете по квартплате по ставке мужа. Суд иск удовлетворил.

Эти примеры убеждают нас в том, что трехлетнюю давность по взысканию квартплаты применять нельзя, нужно ее значительно сократить, но в отдельных случаях применение сокращенной давности не должно иметь места. По нашему мнению, давность по взысканию квартплаты необходимо построить на принципе вины сторон за обстоятельства, послужившие основанием просрочки или несвоевременного взыскания квартплаты. Таким образом, так же, как в трудовом праве с трудящегося возможно взыскивать обратно полученную им сумму по судебному решению только в случае недобросовестного ведения им спора, представления им ложных документов и т. п., и в жилищном праве допускать взыскание квартплаты с трудящегося в пределах 3-летней исковой давности можно только в случаях недобросовестного, злого уклонения его от надлежащих платежей. На таком же принципе должна покоиться давность и в отношении требований трудящихся к домоуправлению о перерасчете по квартплате, если этот перерасчет вызывается исключительно недобросовестностью производства расчетов, обмера жилищной площади, уклонения от предоставления трудящимся льгот со стороны домоуправлений и т. п. Для всех остальных случаев должна быть установлена сокращенная давность не свыше 6 месяцев, но только для трудящихся; для всех остальных категорий плательщиков квартплаты нужно оставить общую 3-летнюю исковую давность, а для претензий последних к домоуправлениям сокращенную давность, за исключением случаев недобросовестного, злого поведении квартплаты и т. п. домоуправлениями.

Установление неодинаковой давности для трудящихся и всех остальных плательщиков оправдывается тем, что бюджет первых (трудящихся) значительно слабее, чем у вторых, и всякого рода взыскания за продолжительное время резко отражаются на условиях жизни трудящихся, тогда как у вторых это не влечет таких тяжелых последствий. Точно также нельзя сравнить бюджет домоуправлений с бюджетом нетрудовых элементов. Взыскания с домоуправлений больших сумм и за продолжительное время расстраивают их плановое строительство, что вредно отражается на жилищном фонде, у вторых же таких последствий не бывает.

В. Колысёв.

Ленинград.

Клевета в печати ¹⁾.

Печать является могущественнейшим орудием самокритики, она приходит на помощь государству в борьбе с различного рода недостатками госаппарата и вообще с отрицательными явлениями в государственной и общественной жизни.

Роль печати в этом отношении огромна, неизмерима; поэтому вполне понятно, почему государство взяло под свою особую охрану рабселькоров.

Но с другой стороны, дорожа достоинством печати и оберегая его от всего того, что может послужить к его умалению и подрыву, государственная власть не может спокойно относиться к тому, что кто-либо, желая превратить печать в орудие для достижения своих личных целей, часто довольно низменного характера, помещает в печати сведения, явно не соответствующие истине и порождающие какое-либо отдельное лицо, учреждение или общественную организацию.

Клевета в печати, имея несравненно большую сферу своего распространения, по своим последствиям, конечно, гораздо тяжелее отзывается на потерпевшем, чем обычная клевета, распространяемая устно среди сравнительно ограниченного круга лиц. Но кроме того следует иметь в виду, что клевета в печати весьма больно бьет по самой печати, подрывая доверие к ней, ее авторитет среди трудящихся масс. Поэтому вполне понятно, почему государств. власть, всемерно поддерживая печать и оказывая ей всевозможное содействие, должна тем не менее самым решительным образом бороться со всякого рода извращениями, со всякого рода попытками сделать ее орудием для достижения личных низменных целей, путем оклеветания другого лица, учреждения или организации. А для этого нужно, с одной стороны предоставить потерпевшему от клеветы возможность опровергнуть помещенные в газете порочащие его те или другие сведения и этим себя реабилитировать, а с другой стороны выявить тех лиц, которые способны использовать печать в личных целях, пользуясь клеветническими приемами.

Если буржуазная печать, существующая на системе подкупа, не особенно ревнива к своему достоинству, то пролетарская печать, наоборот, особенно ревностно должна оберегать свой авторитет среди трудящихся масс, служа исключительно истине.

Исходя, главным образом, из этих соображений, т. е. из соображений охранения авторитета и достоинства печати, каждому потерпевшему от клеветы в печати должна быть гарантирована полная возможность опровергать сообщаемые сведения, приводить доказательства их несоответствия истинному положению вещей.

Эта гарантия должна явиться могучим орудием в борьбе с теми извращениями в практике печати, о которых говорит постановление 3 Пленума ЦКК ВКП(б) от 29 августа 1928 г.

Клевета в печатном или иным способом размноженном произведении прямо предусмотрена нашим уголовным законодательством, и повышенная санкция за клевету в печати в сравнении с санкцией за обычную клевету говорит о том, что законодатель вполне правильно расценил социальную опасность этого преступления.

¹⁾ В порядке обсуждения. Редакция.

В № 14 1929 г. «ЕСЮ» помещена в дискуссионном порядке статья «Клевета в печати», в которой автор ее—т. Азов—проводит мысль, что борьба с клеветой в печати затруднена рядом существенных недостатков, которые сводятся к двум основным группам. К первой группе относятся те недостатки, которые вызваны недооценкой социальной опасности клеветы в печати, а ко второй—отсутствие твердых процессуальных норм, регулирующих порядок привлечения к ответственности за клевету в печати.

Оставляя в стороне мысль тов. Азова о том, что клевета в печати не нашла в нашем уголовном законодательстве достойной оценки, следует подробно разобратся в том, что тов. Азов считает препятствием на пути борьбы с клеветой в печати, на пути привлечения виновных к ответственности.

Самым существенным препятствием к возбуждению в суде уголовного преследования против лица, поместившего в газете заведомо ложные сведения порочащего характера, тов. Азов считает такое положение, при котором потерпевший от клеветы в печати не знает ни имени и фамилии автора заметки или статьи, ни его адреса, и не имеет возможности получить эти необходимые сведения в редакции газеты. По этим причинам он не может обратиться непосредственно в суд с жалобой, в которой обязательно должны быть указаны личность обвиняемого и его адрес.

Если т. Азов считает, что в этом отношении возбуждение уголовного дела в суде по обвинению в клевете в печати существенным образом отличается от возбуждения уголовного дела по обвинению в каком-либо другом преступлении то, в этом случае трудно согласиться с мнением тов. Азова. Из судебной практики известно, что в органы дознания и следствия и в прокуратуру поступает очень много заявлений о совершенных преступлениях. В этих заявлениях в одних случаях точно указывается личность совершившего преступление и другие необходимые сведения, в других высказывается лишь подозрение, почему-либо падающее на определенное лицо, а в третьих случаях личность совершившего преступление совершенно не указывается по той весьма простой причине, что она для потерпевшего совершенно неизвестна. Однако в том случае, когда потерпевший сделал заявление о совершенном преступлении, ни орган дознания или следствия, ни прокуратура не вправе отказать в возбуждении дела только на том основании, что личность совершившего преступление в заявлении потерпевшим не указана.

Раскрытие личности преступника в том случае, если есть налицо преступление, также входит в задачу органов дознания или следствия.

Поэтому для лица, потерпевшего от клеветы в печати, нет особой надобности знать личность автора, поместившего в печати заведомо ложные сведения порочащего характера. Его задачей является только сообщить надлежащему органу о совершенном преступлении, а в задачу органа дознания или следствия—в том только, конечно, случае, если наличие преступления в виде клеветы в печати будет несомненным,—входит раскрытие лица, совершившего это преступление. Вполне понятно, что редакция газеты не вправе раскрывать псевдоним автора любому лицу, но редакция обязана это сделать по требованию уполномоченных на это судебно-следственных органов, имеющих основания

для такого требования. То обстоятельство, что возбуждение дела по обвинению в клевете в печати возможно лишь в порядке частного обвинения, не имеет никакого значения.

Тов. Азов, учитывая тяжесть последствий клеветы в печати, вполне правильно говорит, что «хотя она и входит в число преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения, все же по существу она стоит на грани частно-правовых и публично-правовых нарушений и во всяком случае является наиболее тяжким из всех преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения». Если же к этому прибавить то, что наш УПК обязывает прокуратуру возбуждать уголовное дело, даже имеющее характер частного обвинения, при необходимости охранить государственный или общественный интерес,—а достоинство и авторитет печати является без сомнения интересом и государственным и общественным—то отсюда уже ясно, что та грань между частно-правовыми и публично-правовыми нарушениями, на которой находится клевета в печати, можно сказать, совершенно стирается.

Отсутствие специальных норм, которые относились бы исключительно к делам о клевете в печати, ни в какой степени не является и не может являться препятствием для потерпевших к возбуждению дела. Это отсутствие не может также являться причиной неосновательного привлечения рабселькоров к ответственности, причиной излишнего дерганья их по той простой причине, что орган дознания или следствия только в том случае обязан приступить к выяснению личности автора, когда есть налицо доказательства клеветы, когда есть налицо состав преступления. В противном случае дело подлежит прекращению и в выяснении личности автора нет никакой надобности. В том же случае, если автор уже выяснен, но дело за отсутствием состава преступления или же за недостаточностью собранных улик направляется не для привлечения к ответственности, а на прекращение, орган дознания или следствия не может и не имеет права оглашать сведения относительно личности автора.

Для установления состава преступления в виде клеветы в печати требуется наличие трех моментов: во-первых, несоответствие распространяемых путем печати сведений действительности, во-вторых, порочащий характер этих сведений и, в-третьих, их заведомая ложность. Вне всякого сомнения, что первые два признака являются чисто объективными, такими, которые могут быть доказываемы самим потерпевшим. Но трудно согласиться с мнением тов. Азова относительно того, что последний признак—заведомая ложность—есть признак исключительно субъективный, не могущий быть доказываемым обстоятельствами извне. Если автор сообщаемых сведений имеет возможность сослаться на источник этих сведений или же указать на известные факты, которые способны явиться подтверждением этих сведений, то, безусловно, эти сведения даже в том случае, если они не соответствуют действительности, не могут почитаться заведомо ложными. Но если несоответствие действительности помещенных в печати сведений является доказанным, при чем автор, поместивший их, не может указать источника, из которого они почерпнуты, не может указать также и фактов, их подтверждающих, то в таком случае их заведомая ложность не может определяться исключительно субъективным сознанием автора, она определяется также и теми объективными данными, которые сами по

себе говорят о том, что помещенные в печати сведения являются вымышленными, т.е. заведомо ложными.

Трудно согласиться также с тем положением, вытекающим из циркуляра НКЮ РСФСР от 1927 г. № 81, что при частичном подтверждении заметки рабселькор не может быть привлечен к ответственности за клевету в печати. Рабселькор, излагая в заметке определенные сведения, вполне соответствующие действительности, и желая опозорить лицо, которого касаются эти сведения, имеет полную возможность привести в заметке также и вымышленные сведения, не имеющие никакой связи с теми, которые соответствуют действительности, но рассчитанные на известный эффект. Рабселькор знает, что сделать это он может вполне безнаказанно, ибо заметка имеет все данные для того, чтобы при проверке получить частичное подтверждение. Вряд ли можно такое положение признать нормальным, ибо оно дает некоторый простор для безнаказанной клеветы в печати, объявляя безнаказанной заведомую ложь, если эта ложь искусно сплетена с истиной. Вполне понятно, что не будет указаний на заведомую ложность заметки в том случае, когда рабселькор напишет о том, что некто совершил растрату в 2.000 рублей, в то время когда в результате расследования растрата выяснится в размере 200 рублей. Наоборот, если рабселькор, имея полное основание написать в заметке о растрате 200 рублей, сообщит еще кроме того без всяких оснований вымышленные сведения в той же заметке о каком-либо другом преступлении, например, о растлении малолетних, то при наличии частичного подтверждения заметки тем не менее нужно признать, что в ней будет элемент заведомой лжи, т.е. клеветы, нуждающейся в судебной репрессии.

Подводя итог всему сказанному, нужно прийти к выводу, что борьба с извращениями в практике печати вполне возможна при помощи существующих законов и что нет поэтому необходимости в создании специальных процессуальных норм, которые определяли бы порядок возбуждения дел о клевете в печати, ибо существующие нормы предоставляют в полной мере для потерпевшего возможность реабилитации и привлечения виновных к ответственности, а с другой стороны в достаточной степени охраняют работников печати от излишнего дерганья.

Янушевич.

Г. Овруч, Украина.



Приблизим органы прокуратуры к населению.

Районирование, на ряду с общими задачами, имеет своей целью приблизить органы советской власти к населению путем расширения прав исполкомов, советов и др. органов.

С той же целью и в интересах лучшего обслуживания юридической помощью трудовых крестьян и рабочих, по ЦЧО введен институт участковых прокуроров; в участках каждого из них, по Острогожскому округу, входит по 4 укрупненных района. Казалось бы, что чем больше участковых камер в округе, тем больше и лучше должны быть юридически обслужены крестьяне и рабочие. Однако, в действительности это не так.

Участковый прокурор, поскольку он один, после районирования лишен возможности точно выполнить решение 3 совещания работников юстиции о работе в деревне. Создание участковых прокуроров не приблизило прокуратуры к населению, а наоборот, удалило, т.к. прокурор, оставшись один на 4 района, не имеет физической возможности обслуживать их.

Для того, чтобы побывать по одному разу в каждом районе и основательно (не наспех) провести политработу, обследовать камеры следователя, районный адм. отдел, провести совещания с работниками последнего, рабселькорами, общественными обвинителями, и нарзаседателями, принять участие в гражданских делах нарсуда и райземкомиссии и в уголовных делах первого, сделать несколько докладов и провести несколько бесед—нужно затратить минимум 10—12 дней, а в 4-х районах— $10-12 \times 4 = 48$ дней в три месяца, т.е. 50% рабочего времени участкового прокурора. Если же сюда добавить один день в неделю, а в месяц 4 дня на внеплановые выезды в деревни по происшествиям и др. делам, на окружные и участковые совещания и проч., то получится, что к 48 дням нужно прибавить $4 \times 3 = 12$ дней. Таким образом, в конечном итоге прокурор тратит 67% на работу вне камеры.

Такое положение нормальным признать нельзя, т.к. в отсутствие участкового прокурора исполняется только та переписка, которая не содержит в себе принципиальных вопросов, а остальная, подчас срочная, вынуждена лежать в камере иногда 10—12 дней до возвращения прокурора. Кроме того, производимые обследования не так полны и продолжительны, как того требуют вышестоящие органы прокуратуры (не менее 10 дней в месяц).

Надо пересмотреть территориальное деление участковых прокуратур; сократить число камер, хотя бы на 30% и за счет содержания сокращенных камер ввести в оставшиеся по 1 штатной единице—«помуч-прокурора».

Увеличение территории, обслуживаемой участковыми прокурорами, даст возможность, при периодических и регулярных поездках прокурора и его помощника, оставаться в деревне более продолжительное время, бесперебойно вести работу в камере, ибо при поездке в деревню учпрокурора, работу в камере будет вести его помощник, а при поездке второго—первый. Таким образом, мы действительно приблизим органы прокуратуры к широким массам трудящихся.

М. Максимчук.

Валушки, Острогожского округа ЦЧО.



Прокурор или уполномоченный РИК'а.

В 1928 г. в №№ 27, 33 и 34 «ЕСЮ» были помещены три статьи работников центральной прокуратуры и работников прокуратуры с мест. Во всех трех статьях отмечен ряд недочетов в работе как Центральной прокуратуры, так и прокуратуры на местах. В своей статье, помещенной в № 27, тов. Траскович громит прокуратуру на местах за все семь смертных грехов «бюрократизация аппарата, его замкнутость, чиновничья психология, верхоглядетство, проквашество, формалистика и прочие добродетели—наследие старого «доброего времени». Т. т. Нехамкин и М. Дубровский, от-

вечая т. Трасковичу, указали, что недостатков в работе прокуратуры много, но эти недостатки имеются не только на местах, а от них не избавлена и центральная прокуратура, а поэтому исправлять эти недостатки надо общими силами. Всякому, кто читал указанные выше статьи, должно показаться, что все, что есть отрицательного в работе прокуратуры вскрыто, что если устранить указанные в них недочеты и извращения, то мы получим такой прокурорский аппарат, который необходим советской власти и всей советской общественности. Но в действительности иногда получается иначе, вместо устранения имеющихся недочетов нарастают новые. Так участковые прокуратуры Канского округа, Сибирского края, работающие на селе, работающие с трудовыми массами крестьянства, где со стороны низового аппарата и до настоящего времени особенно много нарушений революционной законности, в частности по сельхозналогу (индивидуальное обложение), самообложению, лишению изб. прав, где до настоящего времени мы имеем халатность и разгильдяйство в хлебозаготовительном аппарате, эти участковые прокуратуры обратились в уполномоченных рик'а по предвыборной и выборной кампаниям советов, по хлебозаготовкам и т. д. В период принятия чрезвычайных мер в первой половине 1928 г. прокуратура Канского округа—да, вероятно, не одного только Канского округа—была брошена на периферию округа в качестве уполномоченных по хлебозаготовкам, но это было в период чрезвычайных мер.

После этого июльский пленум ЦК ВКП(б) постановил об изжитии чрезвычайных мер и о полном со-

блюдении революционной законности. Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) в резолюции по докладу т. Рыкова категорически предлагает соблюдать революционную законность, ибо «революционная законность вызывается хозяйственной необходимостью». И вот после всего этого участковый прокурор получает мандат уполномоченного рик'а, прикрепляется к одному из двух сельским советам и руководит перевыборами этих советов, а после этого прикрепляется к одному сельпо для руководства хлебозаготовками. Многие могут подумать, что я против участия прокурора в кампании по выборам советов, против участия в хлебозаготовках, снo, что нет, но при проведении всех этих мероприятий учпрокурор должен участвовать как прокурор, а не как уполномоченный рик'а. Проводя массовую работу на территории прокурорского участка путем докладов, бесед, выездов в деревни для приема жалоб, прокурор вместе с тем должен был во время предвыборной и выборной кампании советов быстро реагировать на всякое незаконное лишение или нелишение голоса. Вместо того, чтобы сидеть с мандатом рик'а в одном сельпо, учпрокурор должен следить за всем хлебозаготовительным аппаратом в своем участке, следить за самими рик'ами, которых в участке от 2 до 5, быстро реагируя на всякое нездоровое явление в хлебозаготовительном аппарате, возбуждая судебное или дисциплинарное преследование за халатность и разгильдяйство хлебозаготовителей.

Антонов.

С. Ирбей, Канского окр. Сиб. крал.

Страница практика.

Узаконенная волокита.

(К ст. 47 Пол. о госнотариате).

С исключением из ГПК главы двадцать четвертой (о выдаче судебных приказов по актам) ст. 47 Пол. о гос. нотариате дополнена новым видом актов, на которых нот. конторы должны учинить исполнительные надписи—это обязательства по ссудам, полученным из кредитных товариществ, договоры по контракции льна, расчеты по взысканию платы за правоучение и др.

Для того, чтобы обосновать свою мысль о совершенной ненужности продельзаемой в настоящее время всеми нотконторами Республики процедуры по учинению исполнительных надписей на беспорных обязательствах, необходимо сказать несколько слов об упраздненной 24-й главе ГПК.

Обращение к понудительному взысканию обязательств, выданных кредитным товариществам, производилось через нарсуд путем выдачи взыскателю судебного приказа. Надо полагать, что при этом имелось в виду не только формальное штампование кредитных обязательств, но и проверка судом их подлинности и т. п.

Практически же работа судов в этой части сводилась к простой формальности, кредитные учреждения за свой счет заготавливали трафаретные бланки приказов, сами их заполняли и только для подписи направляли в суд. В результате подобного рода производства увеличилось количество гражданских дел в судах в среднем на 500 дел в год на один судебный участок, являясь для него излишней обузой.

В связи с исключением из ГПК главы 24 оформление понудительных взысканий по ссудам передано по-

тарияльным учреждениям и райисполкомам и опять-таки для того, чтобы они ставили на обязательстве свою визу на производство принудительного взыскания.

Так как ни нотариус, ни райисполком не входят в обсуждение вопроса о подлинности предъявленного обязательства, а только формально совершают исполнительные надписи, встает вопрос, не является ли это излишней, никому не нужной работой. Нужно иметь еще в виду, что нотконторы с своими ограниченными штатами, а РИК'и перегруженные своей непосредственной работой, буквально загружены обязательствами кредитных т-в.

Ведь только для того, чтобы обязательство получило значение исполнительного листа нотариус или РИК должен проделать большую техническую работу как-то: заполнить регистрационную карточку со множеством граф, взыскать и провести по книгам полученные сборы и, наконец, учинить самую надпись, довольно-таки обширную по содержанию.

Из-за всего этого обязательства задерживаются в конторах, сроки взысканий просроченных ссуд удлиняются, а кредит. товарищества, нуждающиеся в оборотных средствах, переживают финансовые затруднения. Кроме того, и кред. товарищества, прежде чем направлять в нотучреждения просроченные обязательства, обязаны составлять подробные списки, непроизводительно тратя на это и труд и время.

Указанные операции должны быть упрощены еще и потому, что они причиняют значительный ущерб беднейшей части населения.

Как правило, кредитные учреждения выдают ссуды исключительно нуждающемуся населению. Кроме основной ссуды, подлежащей возврату, на должника, в большинстве своем—бедняка, насчитываются %% и кроме того расходы за то лишь, что его обязательство

побывало в нотариальной конторе. Имеются случаи, когда на задолженность в 3—5 руб. нарастает еще до 2 рублей расходов за исполнительную надпись.

Каким бы путем понудительное взыскание просроченных ссуд не производилось, путем ли судебного приказа или исполнительной нотариальной надписи, конечный результат все тот же—ссуды уплатить надо и самое обязательство бесспорно. А отсюда вывод, что хождение обязательств из кредитного т-ва к нотариусу и обратно, трата времени и труда на учинение надписей и т. д.—является волокитным порядком, не обеспечивающим ни проверки самого обязательства, ни срочности погашения ссуд.

Обязательства кредитных товариществ должны направляться к непосредственному исполнителю взыскания (органа милиции, судисполнителю), минуя нотконторы. Этим будут достигнуты следующие результаты:

Во-первых, нотконторы освободятся от большой непосильной для них технической работы.

Во-вторых, ускорится взыскание просроченных ссуд и этим самым укрепится финансовое состояние кредитных товариществ.

В-третьих, беднота-заемщики освободятся от начислений, которые они сейчас оплачивают за исполнительные надписи.

В.-Луки. Ок্রেуд.

Жуков.

Иски ККОВ к своим членам.

Ст. 16 Положения о крестьянских обществах взаимопомощи указывает, что взыскания с членов этих обществ причитающихся с них взносов и сборов принудительным путем в административном порядке, а также принуждение в том же порядке к отбыванию трудовой, гужевой и иной повинности в пользу общества и его членов не допускается. Принуждение неаккуратных плательщиков к выполнению лежащих на них обязанностей, если предварительное предупреждение и меры товарищеского воздействия окажутся безуспешными, осуществляется посредством возбуждения судебного иска в народном суде; решение последнего приводится в исполнение в установленном законом общем порядке (т.-е. путем получения из суда исполнительного листа и последующего производства исполнительных действий соответствующим органом).

Практика пользования этой статьей (ст. 16) показала, что она отстала от жизни и мало реальна, ее необходимо изменить, и вот по каким соображениям:

В данный момент, в целях разгрузки народных судов от мелких взысканий до 15 руб. по гражданским делам, созданы сельские примирительные камеры, а иски крестьян к своим членам (ст. 16 Положения о ККОВ) очень незначительны, колеблясь от 50 коп. до 3 руб. Таким образом, ст. 16 обязывает нарсуд разбирать мелкие иски по делам ККОВ, а этих исков наберется немало. В брошюре о сельских примирительных камерах указывается, что каждое гражданское дело в народном суде обходится государству в 4 руб., а если оно кассировано, то—в 7 руб. Следовательно, государству по искам до 4 руб. выгоднее, не разбирая дела, выдать истцу взыскиваемую сумму и избавиться от лишней загрузки нарсуда.

Нереальность этой ст. 16 Положения о ККОВ заключается еще в том, что в некоторых случаях ею не хотят пользоваться ККОВ. Один из председателей ККОВ мне заявил:

«Иску на 1 р. 50 к. а ехать в нарсуд надо за 30 верст, себе дороже стоит, да ждать суда ½ года надо».

Кроме того, чем отличается по существу невыполнение обязанностей членом земобщества по самообложению от невыполнения своих обязанностей членами ККОВ,—как будто разницы большой нет, а ст. 21 закона о самообложении дает сельсовету право взыскивать недоимки по самообложению в административном

порядке, установленном положением о взыскании налогов.

Вот в силу этих соображений я и считал бы своевременным изменить ст. 16 Положения о ККОВ и ввести в нее правило ст. 21 закона о самообложении. Эта мера разгрузит нарсуды от мелких гражданских дел и укрепит дисциплину ККОВ.

Прокурор 2-го Петровско-заб. участка Каренин.



На местах.

Как защищается батрак.

Вопрос о защите прав батрачества имеет такое большое значение, что нам необходимо проверить, насколько созданные нами органы для охраны батрачества от эксплуатации на самом деле проводят линию партии.

Последняя ревизия нескольких судебных участков Смоленской губ. выявила безотрадную картину.

Прежде всего, у нарсудов не было никакой связи с сельработочками союза сел.-хоз. и лесных рабочих и сельсоветами. Поэтому оказались зарегистрированными безусловно кабальные договоры. Так, например, наем 14-летней пастушки с оплатой ей за июль—5 руб., за последующие мес.—2 руб. и даже 1 руб. После возбуждения дела в суде, пастушка подала заявление, что она все получила по договору и поэтому просит дело прекратить. Суд ее просьбу исполняет, не стремясь охранить ее действительные права и дать отпор эксплуататору путем возбуждения уголовного преследования по 133 ст. УК. Подобных примеров можно было бы привести очень много. Суд, как правило, не использует репрессивных мер для отпора кулацко-зажиточным элементам. Встречались такие случаи, когда суд, выжив при рассмотрении гражданского дела нарушение трудового законодательства нанимателем и возбуждав против него уголовное преследование, потом его без всяких оснований оправдывал.

Обнаружение подобных искривлений классовой линии заставили губсуд решить пересмотреть всех работников судебного аппарата. Без очищения своих рядов от тех, которые искривляют классовую линию в деревне, которые не в состоянии там проводить правильно линию партии, мы не сможем наладить своей работы.

Это все о суде, но о нем уже много писалось. Нам должна интересовать вся работа по защите батрачества.

Самое поверхностное ознакомление с работой сельработочков сразу же обнаруживает, что они только в виде исключения проводят обследования положения батрака, условий его труда и быта. Случаи обнаружения ими нарушений трудового законодательства в кулацких и промышленных хозяйствах и возбуждения уголовных преследований очень редки. Происходит это не потому, что нет нарушений трудового законодательства,—практика нарсудов подтверждает обратное,—а потому, что сельработком редко заглядывает в эти хозяйства.

Таким образом, пересмотр личного состава, который поставил перед собою губсуд, не мешало бы провести и в отношении других звеньев, на которых лежит охрана батрачества на селе. Есть еще один орган, призванный на селе разрешать батрацкие конфликты—примирительная комиссия при ВИК'е. Попутная проверка работы этих комиссий при ревизии участков показала, что они с поставленной задачей не справляются. Дела тянутся подолгу, часто больше 1 месяца, редко заканчиваются соглашением сторон, да и то только по мелким конфликтам. Авторитетом среди батрачества эти комиссии не пользуются и часто находятся под влиянием нанимателя. В связи с этим через комиссию проходит очень мало дел и невольно возникает вопрос—нужны ли они?

Зав. ИРО Лемзаль.

Смоленский губсуд.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

СОДЕРЖАНИЕ: Циркуляр НКЮ № 94.

Циркуляр № 94.

ВСЕМ КРАЕВЫМ, ОБЛАСТНЫМ И ГУБЕРНСКИМ СУДАМ, НКФ АССР, КРАЙ, ОБЛ. и ГУБФО РСФСР.

ИНСТРУКЦИЯ

о взимании платы за исполнение судебных поручений судов иностранных государств.

1. За исполнение судебных поручений иностранных государств, состоящих в дипломатических отношениях с СССР, вводится на покрытие расходов судов по производству поручений особая плата в доход РСФСР:

а) по простейшим поручениям, состоящим во вручении судебных повесток, объявлений и др. документов, взимается по 5 долларов за поручение;

б) по судебным поручениям, связанным с действиями суда, производимыми в судебных заседаниях (опрос сторон, допрос свидетелей и т. п.), взимается 10 долларов за поручение;

в) по судебным поручениям более сложным (экспертиза, выезд суда на место и т. п.) взимается в размере расходов, фактически понесенных судом, но не ниже 10 долларов, которые взимаются при получении поручения. Остальная сумма взимается дополнительно по выяснению расходов, понесенных судом.

2. Плата за исполнение судебных поручений не взимается в тех случаях, когда это предусмотрено соответствующими международными соглашениями, заключаемыми СССР с иностранными государствами. О случаях осво-

бождения от внесения платы объявляется НКИД.

В настоящее время плата не взимается за поручения Австрии, Германии и Латвии.

3. Органы НКИД при получении судебного поручения устанавливают ту или иную ставку, указанную в предшествующей статье.

На органы НКИД возлагается обязанность истребования платы за указанные выше поручения до передачи таковых в судебные органы, но в исключительных случаях НКИД предоставляется право разрешать своим органам означенную передачу до получения соответствующей платы с последующим истребованием ее и право освобождать от этой платы отдельные поручения.

4. Поступившие в НКИД суммы на оплату судебных поручений сдаются по порядку, установленному для касс специальных сборщиков, и зачисляются в госбюджет по доходной смете НКЮ РСФСР (§ 21, ст. 13).

5. Возмещение расходов лицам, выполняющим работу, вызываемую судебными поручениями, указанным в пункте «в» ст. 1 настоящей инструкции, производится соответственно за счет §§ 3 и 6 главы 4 расходной сметы НКЮ.

О размере означенного расхода сообщается Верховному суду судами, выполняющими поручения; при представлении исполненного поручения Верховный суд сообщает НКИД.

6. Настоящая Инструкция вводится с 1 июля 1929 г.

Народный комиссар юстиции Янсон.

Замнаркомфина РСФСР Федоров.

13 июля 1929 г.

Вносят и вызывают: НА САМОЛЕТ «КРАСНЫЙ ЮРИСТ»

6-й Всероссийский съезд работников юстиции совпал с празднованием 11-й годовщины Красной Армии. Съехавшие делегаты, послав приветствие Реввоенсовету Республики с заверением, что они под защитой бойцов Красной армии готовы еще с большей энергией отстаивать революционную законность и бороться против общего врага на внутреннем фронте, съезд постановил построить на добровольные отчисления работников юстиции самолет «Красный Юрист».

Работники юстиции Новохоперского района, Борисоглебского округа ЦЧО, выполняя постановление своего съезда, отчислили на постройку самолета 2% месячной зарплаты и, переведя собранные средства в сумме 13 руб. 58 к. в издательство НКЮ, вызывают последовать их примеру всех работников юстиции РСФСР.

Делегат 6-го Всероссийского съезда работников юстиции

Нарсудья 3-уч. Борисоглебского окр. Музалев.

Общее собрание сотрудников Владимирского окружного суда и прокуратуры постановило отчислить на постройку самолета «Красный Юрист» с лиц, получающих до 100 руб.—1% и свыше 100 руб.—2%, из коих вносит в фонд по постройке самолета 46 руб. 90 коп. и одновременно вызывает сотрудников Александровского, Иваново-Вознесенского, Новосибирского, Коменского и Борабинского окрсудов.

Деньги высланы переводом по почте.

Председатель О.С.О. Самохвалов.

Во исполнение постановления VI Всероссийского съезда деятелей советской юстиции, по постройке самолета «Красный Юрист», мною, делегатом вышеуказанного съезда, по прибытии на место был поста-

влен этот вопрос перед работниками юстиции автономной области Нагорного Карабаха, Азербайджан. ССР и путем подписки среди работников Орд. Верховсуда АССР в АОНК и областной прокуратуры собрано 41 р., каковую сумму перевозжу по почте. По получении собранных денег из райнарсудов будет выслано дополнительно.

Одновременно мы со своей стороны вызываем отделение Верховсуда Нахичев. ССР, НКЮ НАХ. ССР, Верховный суд Азербайджан. ССР, НКЮ Азерб. ССР и в персональном порядке тов. Гаджиева—НКЮ Азерб. ССР, Платханова—Председателя Верховсуда Аз. ССР и Купилова—зам. Предверхсуда.

Делегат VI Съезда

Пред. Орд. Верховсуда АССР в АОНК Казаров.

Коллектив административн. милицейских, судебно-следственных и прокурорских работников Мишкинского р-на Челябинского окр. в числе 34-х чел. отчисляет 2% от месячной заработной платы, на постройку самолета «Красный Юрист», и вызывает последовать нашему примеру всех администр. милицейских, судебно-следственных и прокурорских работников по Челябинскому округу.

Секр. Прок. 4-го уч. С. Макулин.

Президиум кол. защ. сообщает, что согласно постановлению от 30 апреля с. г. (прот. № 30) защитниками Хоперского округа будут производиться ежемесячные отчисления в размере 5% с заработка в течение 6 мес. на постройку самолета имени «Советского Защитника».

Одновременно с сим Урюпинским коллективом высылается 1-й взнос.

Зам. председателя (подпись).

Издатель: { Юрическое Издательство
НКЮ РСФСР.

Вр. и. о. Ответственного Редактора: Ф. М. Нахимсон.

Москва. Главлит А 36.859.

«Мосполиграф», 16-я типография, Трехпрудный, 9.

14.500 экз.